Льюис Кэрролл

АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ РОБЕРТА ИНГПЕНА

Иллюстрации
Роберта Ингпена

Льюис Кэрролл

Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье

Сказочная повесть

Москва
«Махаон»

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4 Вел)
К98

Издание с этими иллюстрациями
посвящается старшей дочери художника Катрине

LEWIS CARROLL
THROUGH THE LOOKING-GLASS AND WHAT ALICE FOUND THERE
1871

Перевод с английского *Нины Демуровой*
Стихи в переводах *Д. Орловской*
Стихотворение «Шалтай-Болтай» в переводе *С. Степанова*
«Колыбельная» в переводе *О. Седаковой*

Кэрролл Л.
К98 Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье : сказ. повесть / Льюис Кэрролл ; [пер. с англ. Н. Демуровой ; стихи в пер. Д. Орловской, О. Седаковой, С. Степанова] ; ил. Р. Ингпена. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2021. – 192 с. : ил.

ISBN 978-5-389-18243-1

Знаменитая сказочная история английского писателя и математика Льюиса Кэрролла о приключениях девочки Алисы в волшебной стране Зазеркалье.

Блистательный перевод Н.М. Демуровой, признанный классическим, очень точно передаёт смысл этой необычной и мудрой сказки со множеством весёлых бессмыслиц и парадоксов.

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4 Вел)

© Демурова Н.М., наследники, перевод на русский язык, 2021
© Седакова О.А., стихи, перевод на русский язык, 2021
© Степанов С.А., стихи, перевод на русский язык, 2021
Illustrations copyright (2015) Robert Ingpen
Created by Palazzo Editions LTD, Bath, United Kingdom
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Machaon®

ISBN 978-5-389-18243-1 *(рус.)*
ISBN 978-1-78370-184-1 *(англ.)*

Содержание

Льюис Кэрролл
6

Предисловие автора
10

Глава первая. Зазеркальный дом
13

Глава вторая. Сад, где цветы говорили
33

Глава третья. Зазеркальные насекомые
53

Глава четвёртая. Траляля и Труляля
67

Глава пятая. Вода и вязание
85

Глава шестая. Шалтай-Болтай
101

Глава седьмая. Лев и Единорог
119

Глава восьмая. «Это моё собственное изобретение!»
133

Глава девятая. Королева Алиса
155

Глава десятая. Превращение
183

Глава одиннадцатая. Пробуждение
185

Глава двенадцатая. Так чей же это был сон?
187

От художника
191

Льюис Кэрролл

1832–1898

Льюис Кэрролл – псевдоним знаменитого английского писателя, автора известных во всём мире сказок об Алисе. Подлинное имя писателя – Чарлз Лютвидж Доджсон. Он родился в графстве Чешир и был старшим сыном (и третьим из одиннадцати детей) сельского священника. Кэрролл обладал многими талантами: он был писателем, математиком и лучшим фотографом-любителем своего времени. И имел пристрастие к изобретательству. Так, он придумал приспособление для письма в темноте, липкую ленту для заклеивания конвертов, а также круглый бильярдный стол без луз. А ещё Кэрролл обожал придумывать новые слова и необычные игры со словами (именно он предложил первую версию игры, которая ныне известна как скраббл). А ещё – с удовольствием сочинял сказочные истории, полные весёлых бессмыслиц, которые англичане называют«нонсенс».

Кэрролл был высоким, худым, говорил заикаясь, отчего очень смущался и стеснялся. Он любил проводить время с детьми, развлекая их играми и сказками собственного сочинения. Одной из таких детей была Алиса Лидделл, средняя из трёх дочерей Генри Лидделла, ректора Крайст-Чёрч (колледж Христовой церкви) в Оксфорде. После окончания университетского курса с отличием по математике Кэрролл остался в нём преподавать.

Летом 1862 года он и его друг Робинсон Дакворт пригласили сестёр Лидделл на лодочную прогулку и остановились на берегу Темзы на пикник. Кэрролл принялся рассказывать историю, где главной героиней была девочка по имени Алиса. Позже он дополнил эту историю новыми главами, и получилась сказка, которую он назвал «Приключения Алисы в подземелье». Акку-

ратно записав её от руки и проиллюстрировав тридцатью семью рисунками, он преподнёс книгу Алисе 26 ноября 1863 года, надписав: «Рождественский подарок дорогому ребёнку на память о летнем дне».

Вскоре друзья уговорили Кэрролла издать эту сказку, чтобы и другие дети могли познакомиться с ней. Он досочинил новые главы и придумал другое название – «Алиса в Стране чудес». Но он не знал, как быть с рисунками. Понимая, что его непрофессиональные иллюстрации для издания книги не годятся, Кэрролл обратился к известному художнику Джону Тенниелу, рисовавшему для юмористического журнала «Панч». И Тенниел сделал новые иллюстрации согласно строгим указаниям автора. Так, он изобразил Алису с длинными волосами, хотя у реальной Алисы были короткие тёмные волосы.

Издать новую версию сказки предполагалось в июле 1865 года, но Тенниел был «разочарован качеством оттисков иллюстраций». Все напечатанные книги, кроме нескольких экземпляров, были уничтожены, и первое издание, таким образом, вышло в свет только в конце 1865 года, но датировано оно было уже 1866 годом.

Книга моментально стала бестселлером, и с тех пор постоянно переиздаётся, а английского писателя Льюиса Кэрролла узнал весь мир (ранее под этим псевдонимом Чарлз Лютвидж Доджсон издавал свои стихи).

Огромный успех книги во многом изменил жизнь Кэрролла. Он стал зарабатывать солидные деньги, хотя и не покидал своей должности в Крайст-Чёрч до конца своей жизни. Поклонники со всего мира заваливали его письмами. Среди его поклонников была даже королева Виктория, которой настолько понравилась сказка, что она обратилась к Кэрроллу с просьбой посвятить новую книгу ей. Позднее, в 1871 году, в ответ на всеобщее признание своей книги, Кэрролл опубликовал продолжение.

Так же, как и первая книга, «Алиса в Зазеркалье» очаровывает и восхищает читателя весёлыми бессмыслицами, хотя в ней автор отталкивается от иной точки отсчёта. Мы снова встречаемся с Алисой, когда она играет с котятами своей любимой кошки Дины, а снег кружит за окном (действие сказки начинается зимой, после летних приключений Алисы в Стране чудес). Чтобы попасть в Зазеркалье, Алиса проходит сквозь зеркало, висящее над каминной полкой, и попадает в удивительный мир, где всё наоборот, всё задом наперёд, где шахматные фигуры ходят самостоятельно, цветы разговаривают и всё устроено совершенно иначе.

Через год после публикации «Алисы в Стране чудес» Кэрролл начал учить Алису Лидделл играть в шахматы, и если в «Алисе в Стране чудес» он использовал образ игральных карт, то в «Алисе в Зазеркалье» всё вертится вокруг игры в шахматы, где фигуры ходят довольно хаотично. Кэрролл даже написал к книге предисловие, изложив в нём эту шахматную проблему.

В новой сказке Алиса оказалась втянута в причудливую игру. Она становится Королевой на гигантской шахматной доске, клетки которой разделены живой изгородью и ручейками, а на её пути встречается множество невероятных персонажей: властная Красная Королева, растерянная Белая Королева, меланхоличный, но добродушный Белый Рыцарь, Траляля и Труляля, Лев и Единорог, Шалтай-Болтай. А стихи «Морж и плотник» и «Бармаглот» стали такими популярными, что у них началась самостоятельная, отдельная от приключений Алисы, литературная жизнь – настолько выразительными и запоминающимися были их образы.

Главной темой через всю книгу проходит тема «всё наоборот». Дело, видимо, в том, что Кэрролл любил писать, используя зеркальный метод письма, а рисовал так, что, если рисунок перевернуть вверх ногами, изображение получалось совершенно иным. Считается, что это увлечение Кэрролла связано с тем, что он был левшой.

Читая «Алису в Зазеркалье», мы не перестаём удивляться, с какой лёгкостью Кэрролл играет словами. Как сказал Филипп Пулман, известный английский писатель, лауреат многих литературных премий, «*Алисы* – это лучшее из когда-либо написанного в жанре бессмыслицы, это, на мой взгляд, даже лучше того, что написано со смыслом».

До сказок об Алисе книги для детей писали с нравоучительными наставлениями, стремясь привить ребёнку необходимые моральные качества. В противоположность им, чудесные сказки Льюиса Кэрролла полны сопереживания, близки и понятны юным читателям, ведь они дают простор воображению и развивают фантазию, они написаны просто для удовольствия и поэтому стали классикой на все времена. Их появление привело к настоящему перевороту в детской литературе и оказало огромное влияние на писателей.

Справа на с. 9: иллюстрация Джона Тенниела к первому изданию «Алисы в Зазеркалье» (1871 год).

Дитя с безоблачным челом
И удивлённым взглядом,
Пусть изменилось всё кругом
И мы с тобой не рядом,
Пусть годы разлучили нас,
Прими в подарок мой рассказ.

Тебя увижу лишь во сне,
Не слышен смех твой милый.
Ты выросла и обо мне,
Наверное, забыла.
С меня довольно, что сейчас
Ты выслушаешь мой рассказ.

Он начат много лет назад
Июльским утром ранним,
Скользила наша лодка в лад
С моим повествованьем.
Я помню этот синий путь,
Хоть годы говорят: забудь!

Мой милый друг, промчатся дни,
Раздастся голос грозный.
И он велит тебе: «Усни!»
И спорить будет поздно.
Мы так похожи на ребят,
Что спать ложиться не хотят.

Вокруг – мороз, слепящий снег
И пусто, как в пустыне,
У нас же – радость, детский смех,
Горит огонь в камине.
Спасает сказка от невзгод –
Пускай тебя она спасёт.

Хоть лёгкая витает грусть
В моей волшебной сказке,
Хоть лето кончилось, но пусть
Его не блёкнут краски,
Дыханью зла и в этот раз
Не опечалить мой рассказ.

Предисловие автора

Так как шахматная задача, приведённая в начале этой сказки, поставила в тупик некоторых читателей, мне следует, очевидно, объяснить, что она составлена в соответствии с правилами – насколько это касается самих *ходов*.

Правда, *очерёдность* красных* и белых не всегда соблюдается с надлежащей строгостью, а «рокировка» трёх Королев просто означает, что все три попадают во дворец; однако всякий, кто возьмёт на себя труд расставить фигуры и проделать указанные ходы, убедится, что «шах» Белому Королю на 6-м ходу, потеря красными Коня на 7-м и финальный «мат» Красному Королю не противоречат законам игры.

Новые слова в стихотворении «Бармаглот» (см. стр. 26–27) вызвали известные разногласия относительно их произношения; мне следует, очевидно, дать разъяснения и по *этому* пункту. «Хливкие» следует произносить с ударением на первом слоге; «хрюкотали» – на третьем; а «зелюки» – на последнем. <…>

Рождество 1896 г.

БЕЛЫЕ ФИГУРЫ	БЕЛЫЕ ПЕШКИ	КРАСНЫЕ ФИГУРЫ	КРАСНЫЕ ПЕШКИ
Труляля	*Маргаритка*	*Шалтай-Болтай*	*Маргаритка*
Единорог	*Зай Атс*	*Плотник*	*Чужестранец*
Овца	*Устрица*	*Морж*	*Устрица*
Белая Королева	*Крошка Лили*	*Красная Королева*	*Тигровая Лилия*
Белый Король	*Лань*	*Красный Король*	*Роза*
Старичок	*Устрица*	*Ворон*	*Устрица*
Белый Рыцарь	*Болванс Чик*	*Красный Рыцарь*	*Лягушонок*
Траляля	*Маргаритка*	*Лев*	*Маргаритка*

---

* Как известно, фигуры в шахматах – чёрные и белые. Однако в Англии с XVII века стали входить в моду и приобрели популярность точённые из слоновой кости красно-белые шахматы. Красные и белые цвета фигур – это цвета св. Георгия, покровителя Англии. По всей видимости, Льюис Кэрролл, как и Джордж Вашингтон, предпочитал именно такие шахматы.

В других изданиях «Алисы в Зазеркалье» в переводе Н.М. Демуровой шахматные фигуры, как и принято, белые и чёрные. *(Прим. ред.)*

Белая Пешка (Алиса) начинает и выигрывает в одиннадцать ходов

	Стр.
1. Алиса встречает Красную Королеву	39
2. Алиса через d3 (железная дорога) идёт на d4 (Траляля и Труляля)	55 59
3. Алиса встречает Белую Королеву (с шалью)	86
4. Алиса идёт на d5 (лавка, река, лавка)	91
5. Алиса идёт на d6 (Шалтай-Болтай)	99
6. Алиса идёт на d7 (лес)	131
7. Белый Конь берёт Красного Коня	134
8. Алиса идёт на d8 (коронация)	152
9. Алиса становится Королевой	164
10. Алиса «рокируется» (пир)	170
11. Алиса берёт Красную Королеву и выигрывает партию	183

	Стр.
1. Красная Королева уходит на h5	51
2. Белая Королева идёт на c4 (за шалью)	86
3. Белая Королева идёт на c5 (становится Овцой)	91
4. Белая Королева уходит на f8 (оставляет на полке яйцо)	98
5. Белая Королева идёт на c8 (спасаясь от Красного Коня)	127
6. Красный Конь идёт на e7	134
7. Белый Конь идёт на f5	152
8. Красная Королева идёт на e8 (экзамен)	157
9. Королевы «рокируются»	165
10. Белая Королева идёт на a6 (суп)	175

Глава первая

Зазеркальный дом

Одно было совершенно ясно: *белый* котёнок тут ни при чём; во всём виноват чёрный, и никто другой. Вот уже полчаса, как мама-кошка мыла Снежинке мордочку (а та стойко сносила эту муку), – так что при всём желании Снежинка ничего *не могла* сделать.

А знаешь, как Дина умывала своих котят? Одной лапой она хватала бедняжку за ухо и прижимала к полу, а другой тёрла ей всю мордочку, начиная с носа, против шерсти. Как я уже сказал, всё это время она трудилась над Снежинкой, а та лежала смирно, не сопротивлялась, да ещё пыталась мурлыкать – видно, понимала, что всё это делается для её же блага.

С чёрненькой Китти Дина покончила раньше, и теперь, пока Алиса сидела, свернувшись калачиком на уголке просторного кресла, что-то бормоча про себя в полудрёме, Китти от души забавлялась, играя с клубком шерсти, которую Алиса мотала поутру; она весело гоняла его по полу и, конечно, размотала и запутала вконец. Нитки валялись теперь на коврике перед камином, до того спутанные, что на них страшно было смотреть, а Китти прыгала по ним, пытаясь поймать собственный хвост.

– Ах, Китти, до чего же ты противная! – сказала Алиса, поймав её и легонько целуя в мордочку, – для того, видно, чтобы она получше поняла, что хозяйка на неё сердится. – Неужели Дина тебе не объясняла, как себя нужно вести?

Она взглянула с укоризной на Дину и как можно строже добавила:

– *Нехорошо*, Дина, *нехорошо*!

А потом она опять забралась в кресло, прихватив с собой шерсть и котёнка, и снова принялась за клубок. Но дело у Алисы шло медленно, потому что она всё время отвлекалась – то беседовала с Китти, а то бормотала что-то себе под нос. Китти смирно сидела у неё на коленях, притворяясь, что внимательно следит за тем, как Алиса мотает шерсть; время от времени она протягивала лапку и тихонько трогала клубок, словно желая сказать, что с удовольствием помогла бы, если б умела.

– А знаешь, что будет завтра? – говорила Алиса. – Ты бы и сама догадалась, если б сидела со мной утром на окошке. Только ты была занята – Дина тебя умывала. А я смотрела, как мальчишки собирают щепки на костёр. Для костра надо много щепок, Китти. Было ужасно холодно, а тут ещё снег пошёл – пришлось им разойтись по домам! Но не горюй, Китти! Завтра мы пойдём смотреть на костёр!

Тут Алиса намотала немножко шерсти Китти на шею – просто так, чтобы посмотреть, пойдёт ли ей это; Китти стала вырываться – клубок скатился на пол и опять размотался.

– Знаешь, – продолжала Алиса, когда они снова устроились в кресле, – я так на тебя рассердилась, Китти, когда увидела, что ты наделала. Я чуть было не открыла окошко и не посадила тебя на снег! Ты это заслужила, шалунья! Что ты можешь сказать в своё оправдание? А теперь слушай и не прерывай меня! (Тут она погрозила Китти пальцем.) Я тебе всё скажу! Во-первых, ты пищала, когда тебя мыли сегодня утром. Да, возражать тебе нечего, я слышала своими собственными ушами! Что ты там говоришь? (Алиса замолчала, сделав вид, что слушает Китти.) Она попала тебе лапой в глаз? Сама виновата, незачем тебе было открывать глаза! Если б ты зажмурилась покрепче, этого бы не случилось! Не оправдывайся, пожалуйста! Лучше послушай! Во-вторых, ты оттащила Снежинку за хвост от блюдечка, когда я на-

лила ей молока. Ах вот как, тебе пить захотелось? А про неё ты не подумала? И в-третьих, стоило мне отвернуться, как ты тут же размотала всю шерсть. Целых три проступка, Китти, а ты ещё ни за один не поплатилась! Ну подожди, накажу я тебя за всё сразу – через неделю!

А что было бы, если бы *меня* тоже стали наказывать за всё разом? (Она размышляла вслух, обращаясь скорее к самой себе, чем к Китти.) Что бы тогда было в *конце года?* Сидеть бы мне в тюрьме, не иначе! А если б меня оставляли без обеда за каждый проступок? Тогда бы в один прекрасный день я осталась бы сразу без ста обедов! Ну, *это* ещё не так страшно! Хуже, если б нужно было съесть все сто обедов разом!

Слышишь, как снег шуршит о стёкла, Китти? Какой он пушистый и мягкий! Как он ласкается к окнам! Снег, верно, *любит* поля и деревья, раз он так нежен с ними! Он укрывает их белой периной, чтобы им было тепло и уютно, и говорит: «Спите, дорогие, спите, пока не наступит лето». А восстав от зимнего сна, Китти, они наденут зелёный наряд и пустятся в пляс на ветру. Ах, как это красиво! – Тут Алиса захлопала в ладоши и опять уронила клубок. – Хорошо бы всё это и *вправду* так было! Ведь осенью лес и в самом деле такой сонный. Листья деревьев желтеют – и он погружается в сон.

Послушай, Китти, а в шахматы играть ты умеешь? Не смейся, милая, я тебя серьёзно спрашиваю. Когда мы сегодня играли, ты так смотрела на доску, как будто понимала все ходы: а когда я сказала «шах!», ты замурлыкала! Ах, Китти, какой это был *хороший* ход! И я бы, конечно, выиграла, если б не этот противный конь! Как это он подобрался к моим фигурам! Китти, милая, давай играть, как будто мы...

Я даже сказать тебе не могу, как часто Алиса повторяла эту фразу! Не далее как вчера у неё вышел долгий спор с сестрой; Алиса ей сказала: «Давай играть, как будто мы – короли и королевы», – а сестра, которая во всём любит точность, заявила, что это невозможно, потому что их только двое. В конце концов Алисе пришлось уступить. «Ну хорошо, – сказала она, – *ты* будешь одним королём-и-королевой, а *я* всеми остальными королями и королевами сразу!» А однажды она до смерти напугала свою старую няньку, крикнув ей прямо в ухо: «Няня, давай играть, как будто я голодная гиена, а ты – кость!»

Но мы отвлеклись. Итак, Алиса сказала Китти:

– Китти, миленькая, давай играть, как будто ты Красная Королева! Знаешь, если ты сядешь на задние лапки, а передние прижмёшь к груди, то будешь совсем как Красная Королева. Ну-ка попробуй, душечка!

И Алиса сняла со стола Красную Королеву и поставила её перед Китти, чтобы та видела, кому подражать. Но из этой затеи ничего не вышло – в основном потому, что, если верить Алисе, Китти ни за что не желала поднять как следует лапки. Тогда в наказание Алиса поднесла её к Зеркалу над камином – пусть видит, какой у неё хмурый вид.

– Если ты сию же минуту не исправишься, я тебя посажу туда, в Зазеркальный дом. Ну, что ты на *это* скажешь?

Знаешь, Китти, если ты помолчишь хоть минутку, – продолжала Алиса, – и послушаешь меня, я тебе расскажу всё, что знаю про Зазеркальный дом. Во-первых, там есть вот эта комната, которая начинается прямо за стеклом. Она совсем такая же, как наша гостиная, Китти, только всё там наоборот! Когда я залезаю на стул и смотрю в Зеркало, она видна мне вся, кроме камина. Ах, как бы мне хотелось *его* увидеть! Мне так интересно узнать, топят они зимой камин или нет. Но в это Зеркало, как ни гляди, камина *не увидишь*, разве что наш камин задымит – тогда и там появится дымок. Только это, верно, они нарочно – чтобы мы подумали, будто и у них в камине огонь. А книжки там очень похожи на наши – только слова написаны задом наперёд. Я это *точно* знаю, потому что однажды я показала им нашу книжку, а они показали мне свою!

Ну как, Китти, хочешь жить в Зазеркальном доме? Интересно, дадут тебе там молока? Впрочем, не знаю, можно ли пить Зазеркальное молоко? Не повредит ли оно тебе, Китти... А дальше идёт коридор. Если распахнуть дверь в нашей гостиной пошире, можно увидеть *кусочек* коридора в том доме, он совсем такой же, как у нас. Но кто знает, вдруг там, где его не видно, он совсем другой? Ах, Китти, как бы мне хотелось попасть в Зазеркалье! Там, должно быть, столько всяких чудес! Давай играть, будто мы туда можем пройти! Вдруг стекло станет тонким, как паутинка, и мы шагнём сквозь него! Посмотри-ка, оно и правда тает как туман. Пройти сквозь него теперь совсем не трудно...

Тут Алиса оказалась на каминной полке, хоть и сама не заметила, как она туда попала. А Зеркало и точно стало *таять*, словно серебристый туман поутру.

Через миг Алиса прошла сквозь Зеркало и легко спрыгнула в Зазеркалье.

Прежде всего она заглянула в камин и очень обрадовалась, увидев, что в нём жарко пылают дрова; огонь был настоящий, совсем такой же, как дома!

«Значит, здесь мне будет так же тепло, как и там, – подумала Алиса. – И даже, наверно, теплее! Здесь никто не станет меня гнать от камина. А вот будет смешно, когда наши увидят меня здесь – им ведь меня не достать!»

Она осмотрелась и тут же заметила, что комната на деле совсем не такая обыкновенная и скучная, какой казалась из-за Зеркала. Портреты на стене возле камина были живые и о чём-то шептались, а круглые часы, стоявшие на каминной полке (ты ведь знаешь, что в Зеркале видно только их отражение), улыбнулись ей.

«Здесь, право, не такой порядок, как у нас», – подумала Алиса, заметив в каминной золе несколько шахматных фигур; вдруг она охнула и присела на корточки: фигуры важно разгуливали по коврику парами!

– Вон Красный Король и Красная Королева, – сказала Алиса (шёпотом, чтобы не спугнуть их). – А вон Белый Король и Белая Королева – уселись на краешке совка и болтают ногами. А вон две Туры взялись под ручки и шепчутся о чём-то. По-моему, они меня не слышат...

Алиса наклонилась к камину.

– Они меня, верно, и не видят. Похоже, что я стала вдруг невидимкой...

Тут на столе у неё за спиной что-то покатилось и запищало; Алиса обернулась и увидала, что это упала Белая Пешка. Она лежала на спине и изо всех сил брыкалась, силясь подняться на ноги. Алиса с любопытством ждала, что будет дальше.

– Это моя малютка! – закричала Белая Королева и бросилась к Пешке, оттолкнув Короля с такой силой, что он упал прямо в золу. – Лили, кисочка! Котёнок ты мой ненаглядный! Детка моя королевская!

И она стала карабкаться вверх по каминной решётке.

– Королевские бредни! – пробормотал Король, потирая ушибленный при падении нос.

Немудрено, что он *немного* рассердился на Королеву, – ведь он с головы до пят выпачкался в золе.

Алиса решила прийти им на помощь, и, так как крошка Лили вопила во весь голос, она нагнулась, схватила Королеву и быстро поставила её на стол, рядом с громко плачущей дочкой.

Королева судорожно вздохнула и села: у неё захватило дух от такого головокружительного взлёта; с минуту она лишь молча сжимала свою дочку в объятиях. Немножко отдышавшись, она крикнула Королю, угрюмо сидевшему в золе:

– Берегись вулкана!

– Какого вулкана? – спросил Король и с тревогой заглянул в камин, видно полагая, что это для вулкана самое подходящее место.

– Который... швырнул... меня наверх! – проговорила с расстановкой Королева, которая всё никак не могла отдышаться. – Подымайся наверх обычным путём! А то взлетишь на воздух!

Алиса долго смотрела, как Король с трудом лезет вверх по каминной решётке, осторожно перебираясь с перекладинки на перекладинку, наконец не выдержала и сказала:

– Так ты пролазишь весь день! Дай-ка я тебе помогу, хорошо?

Но Король в ответ промолчал: он, конечно, её просто не слышал и не видел.

Алиса осторожно взяла его в руку и подняла – медленно-медленно, чтобы у него не перехватило дыхание, как у Королевы. Но прежде чем поставить на стол, она решила слегка его почистить: он был весь в пепле.

Алиса потом рассказывала, что в жизни не видела такой мины, какую скорчил Король, почувствовав, что невидимая рука остановилась на полпути в воздухе и кто-то начал сдувать с него пепел: он так удивился, что не мог даже закричать; глаза и рот у него округлились и открывались всё шире, хоть дальше, казалось, уж было некуда. Алиса так расхохоталась, что рука у неё затряслась от смеха и она чуть не выронила бедного Короля.

– *Прошу тебя*, милый, не строй таких рож! – вскричала Алиса, совсем позабыв, что Король её не слышит. – Ты так меня рассмешил, что я тебя чуть не уронила! Закрой же рот! А не то наглотаешься пеплу! Ну вот, теперь ты, по-моему, чистый!

Она пригладила ему волосы и поставила его на стол рядом с Королевой.

Король тотчас же повалился навзничь и замер, так что Алиса забеспокоилась и пошла поискать воды, чтобы привести его в чувство. Однако, как она ни искала, воды нигде не было; ей попался только пузырёк чернил, но, когда она вернулась с ним к столу, оказалось, что Король уже пришёл в себя и испуганно шепчется о чём-то с Королевой – так тихо, что Алиса с трудом разобрала слова.

– Уверяю тебя, милочка, – шептал Король, – я так испугался, что похолодел до самых кончиков бакенбард.

– Но у тебя нет бакенбард! – возразила Королева.

– Этой ужасной минуты я не забуду *никогда* в жизни! – сказал Король.

– Забудешь, – заметила Королева, – если не запишешь в записную книжку.

Алиса с любопытством смотрела, как Король вытащил из кармана огромную записную книжку и начал что-то писать в ней. Тут Алисе пришла в голову неожиданная мысль – она ухватилась за кончик огромного карандаша, который торчал у Короля за плечом, и начала писать сама.

Бедный Король совсем растерялся; с минуту он молча боролся с карандашом, но, как ни бился, карандаш писал своё, так что наконец Король произнёс, задыхаясь:

– Знаешь, милочка, мне надо достать карандаш *потоньше*. Этот вырывается у меня из пальцев – пишет всякую чепуху, какой у меня и в мыслях не было...

– Какую чепуху? – спросила Королева, заглядывая в книжку.

(Алиса меж тем написала: *«Белый Конь едет вниз по кочерге. Того и гляди, упадёт»*.)

– Но ты же совсем не то хотел записать! – вскричала Королева.

На столе лежала какая-то книга; Алиса взяла её и стала листать, поглядывая время от времени на Белого Короля. (Она всё ещё волновалась за него и держала чернила наготове – на случай, если ему снова станет плохо.) Она надеялась, что сумеет прочитать в книге хоть одну страничку, но всё было написано на каком-то непонятном языке.

Вот как это выглядело.

ТОЛГАМРАБ

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Алиса ломала себе голову над этими строчками, как вдруг её осенило.

– Ну конечно, – воскликнула она, – это же Зазеркальная книга! Если я поднесу её к Зеркалу, я смогу её прочитать.

Так она и сделала. И вот что она прочитала:

БАРМАГЛОТ

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

О, бойся Бармаглота, сын!
Он так свирлеп и дик,
А в глуше рымит исполин –
Злопастный Брандашмыг!

Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глущобу путь его лежит
Под дерево Тумтум.

Он стал под дерево и ждёт,
И вдруг граахнул гром –
Летит ужасный Бармаглот
И пылкает огнём!

Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы – стрижает меч,
Ува! Ува! И голова
Барабардает с плеч!

О светозарный мальчик мой!
Ты победил в бою!
О храброславленный герой,
Хвалу тебе пою!

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

– Очень милые стишки, – сказала Алиса задумчиво, – но понять их *не так-то* легко.

(Знаешь, ей даже самой себе не хотелось признаться, что она ничего не поняла.)

– Наводят на всякие мысли – хоть я и не знаю на какие... Одно ясно: *кто-то кого-то* здесь убил... А впрочем, может, и нет...

Тут она опомнилась и вскочила на ноги.

«Что это я сижу?» – подумала она.

– Мне надо торопиться, а то не успею осмотреть всё, что здесь есть! Начнём с сада!

С этими словами Алиса бросилась из комнаты и побежала вниз по лестнице... собственно, не побежала, а... как бы это объяснить? Это новый способ легко и свободно спускаться по лестнице, подумала Алиса: она только положила руку на перила – и тихонько поплыла вниз по ступенькам, даже не задевая их ногами; так она пронеслась через прихожую и вылетела бы прямо в дверь, если б не ухватилась за косяк. От полёта у неё закружилась голова, и она рада была снова ступить на землю.

Глава вторая

Сад, где цветы говорили

«Если я поднимусь на тот холмик, я увижу сразу весь сад, – подумала Алиса. – А вот и тропинка, она ведёт прямо наверх... Нет, *совсем не прямо...*»

(Она сделала всего несколько шагов, но ей уже стало ясно, что тропинка всё время петляет.)

«Надеюсь, – сказала про себя Алиса, – она приведёт меня всё же наверх! Как она кружит! Прямо штопор, а не тропинка! Поворот – сейчас будем *наверху!* Ах нет, опять она повернула вниз! Так я снова попаду прямо к дому! Пойду-ка я назад!»

И она повернула назад. Но куда бы она ни шла, где бы ни сворачивала, всякий раз, хоть убей, она выходила снова к дому. А раз, сделав крутой поворот, она упёрлась носом прямо в стену.

– Нечего меня уговаривать, – сказала Алиса, обращаясь к дому, словно он с нею спорил. – Мне ещё *рано* возвращаться! Я знаю, что в конце концов мне придётся снова уйти домой через Зеркало, и тогда все мои приключения кончатся!

Тут она решительно повернулась к дому спиной и снова пошла по тропинке, дав себе слово никуда не сворачивать, пока не доберётся до холма. Сначала всё было хорошо, и она уже было подумала, что на

этот раз ей *удастся* всё же подняться наверх, как вдруг тропинка изогнулась, вздыбилась (именно так рассказывала потом об этом Алиса) – и в тот же миг Алиса оказалась прямо на пороге дома.

– Опять этот дом! Как он мне надоел! – вскричала Алиса. – Так и лезет под ноги!

А холм был совсем рядом – ну прямо рукой подать. Делать нечего, Алиса вздохнула и снова отправилась в путь. Не прошла она и нескольких шагов, как набрела на большую клумбу с цветами – по краям росли Маргаритки, а в середине высился Дуб.

– Ах, Лилия, – сказала Алиса, глядя на Тигровую Лилию, легонько покачивающуюся на ветру. – Как *жалко*, что вы не умеете говорить!

– Говорить-то мы умеем, – ответила Лилия. – Было бы с кем!

Алиса так удивилась, что в ответ не могла вымолвить ни слова: у неё прямо дух захватило от изумления. Но наконец, видя, что Лилия спокойно качается на ветру, Алиса опомнилась и робко прошептала:

– Неужели здесь *все* цветы говорят?

– Не хуже *тебя*, – отвечала Лилия, – только гораздо громче.

– Просто мы считаем, что нехорошо заговаривать первыми, – вмешалась Роза. – А я как раз стою себе и думаю: догадаешься ты с нами заговорить или нет? «У этой, по крайней мере, лицо *не вовсе* бессмысленное, – говорю я про себя. – Правда, умом оно не блещет, но что поделаешь! Зато цвет у неё какой надо, а это уже кое-что!»

– Меня цвет не беспокоит, – заметила Лилия. – Вот если бы лепестки у неё побольше завивались, тогда она была бы очень мила.

Алисе было неприятно слышать все эти критические замечания, и она поспешила спросить:

– А вам никогда не бывает страшно? Вы здесь совсем одни, и никто вас не охраняет...

– Как это «одни»? – сказала Роза. – А Дуб на что?

– Но разве он может что-нибудь сделать? – удивилась Алиса.

– Он хоть кого может отдубасить, – сказала Роза. – Что-что, а дубасить он умеет!

– Потому-то он и называется Дуб! – вскричала Маргаритка.

– А ты *этого* и не знала? – подхватила её подружка, и тут все они так завопили, что воздух зазвенел от их пронзительных голосков.

– А ну замолчите! – крикнула Тигровая Лилия, яростно раскачиваясь и вся дрожа от негодования. – Знают, что мне до них не добраться! – проговорила она, задыхаясь, повернув свою дрожащую от гнева головку к Алисе. – Распустились, негодницы!

– Не волнуйтесь! – сказала Алиса и, наклонясь к Маргариткам, шепнула: – Если вы сейчас же не замолчите, я всех вас сорву!

Тотчас же воцарилась тишина, а несколько розовых Маргариток побелели как полотно.

– Правильно! – сказала Лилия. – Маргаритки из всех цветов самые несносные. Стоит одной из них распуститься, как все тут же распускаются за ней следом! Такой подымают крик! Послушать их, так прямо завянешь.

– А как это вы все научились так хорошо говорить? – спросила Алиса, надеясь немного смягчить её похвалой. – Я во многих садах бывала, но никогда не слышала, чтобы цветы говорили!

– Опусти руку, – сказала Лилия, – и пощупай клумбу. Тогда тебе всё станет ясно.

Алиса присела и потрогала землю.

– Твердая как камень, – сказала она. – Только при чём тут это?

– В других садах, – ответила Лилия, – клумбы то и дело рыхлят. Они там мягкие, словно перины, – цветы и спят все дни напролёт!

Тут Алисе всё стало ясно.

– Так вот в чём дело, – обрадовалась она. – Я об этом не подумала!

– *По-моему*, ты никогда ни о чём *не думаешь*, – сурово заметила Роза.

– В жизни не видела такой дурочки, – сказала Фиалка.

Алиса прямо подпрыгнула от неожиданности: Фиалка всё это время молчала, словно и не умела говорить.

– А ты *помолчала бы*! – крикнула Лилия. – Можно подумать, что ты хоть что-нибудь *видела* в жизни! Спрячешься под листом и спишь там в своё удовольствие, а о том, что происходит на свете, знаешь не больше, чем бутон!

– А есть в саду ещё люди, кроме меня? – спросила Алиса, решив пропустить мимо ушей замечание Розы.

– Есть тут ещё один цветок, который умеет ходить, как ты, – сказала Роза. – Не понимаю, как это тебе удаётся...

(«Ты никогда ничего не понимаешь», – заметила Лилия.)

– Только он пораскидистее, чем ты, – продолжала как ни в чём не бывало Роза.

– А в остальном – как я? – спросила с волнением Алиса. («Тут в саду есть ещё одна девочка!» – подумала она.)

– Такой же странной формы, как и ты, – сказала Роза. – Немножко темнее, пожалуй, и лепестки покороче...

– Гладкие, как у Георгины, – подхватила Тигровая Лилия, поворачиваясь к Алисе, – а не такие растрёпанные, как у тебя.

– Не огорчайся, ты в этом *не виновата*, – сказала снисходительно Роза. – Просто ты уже вянешь, и лепестки у тебя обтрепались, тут уж ничего не поделаешь...

Алисе это не понравилось, и, чтобы переменить разговор, она спросила:

– А сюда она когда-нибудь приходит?

– Не волнуйся, ты её скоро увидишь, – сказала Роза. – Она из тех, у кого девять шипов, знаешь?

– А где у неё шипы? – спросила Алиса с удивлением.

– На голове, конечно, – ответила Роза. – А я-то всё время думала, почему это *у тебя* их нет. Мне казалось, что у вас все с шипами.

– Вон она идёт! – закричал молоденький Шпорник. – Я слышу её шаги! Топ-топ! Только она так топает, когда идёт по дорожке.

Алиса радостно оглянулась – и увидела Красную Королеву.

– Как она выросла! – невольно воскликнула Алиса.

И вправду, когда Алиса нашла её в золе, она была ростом дюйма в три, не больше, а теперь – на полголовы выше самой Алисы.

– Это от свежего воздуха, – заметила Роза, – здесь у нас чудесный воздух!

– Пойду-ка я к ней навстречу, – сказала Алиса.

Конечно, ей интересно было поболтать с цветами, но разве их сравнишь с настоящей Королевой!

– Навстречу? – переспросила Роза. – Так ты её никогда не встретишь! *Я* бы тебе посоветовала идти в обратную сторону!

«Какая чепуха!» – подумала Алиса.

Впрочем, вслух она ничего не сказала и направилась прямо к Королеве. К своему удивлению, она тут же потеряла её из виду и снова оказалась у порога дома.

В сердцах она отступила назад, огляделась по сторонам в поисках Королевы, которую наконец увидала вдали, и подумала: не пойти ли на этот раз в противоположном направлении?

Всё вышло как нельзя лучше. Не прошло и минуты, как она столкнулась с Королевой у подножия холма, куда раньше никак не могла подойти.

– А ты здесь откуда? – спросила Королева. – И куда это ты направляешься? Смотри мне в глаза! Отвечай вежливо! И не верти пальцами!

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.

– *Твой* путь? – переспросила Королева. – Не знаю, что ты хочешь этим сказать! Здесь все пути *мои*! – Внезапно смягчившись, она прибавила: – Но скажи мне, зачем ты сюда пришла? Пока думаешь, что сказать, – делай реверанс! Это экономит время.

Алиса немного удивилась, но Королева внушала ей такое почтение, что возражать она не посмела.

«Вернусь домой, – подумала она, – и попробую делать реверансы, когда буду опаздывать к обеду!»

– Ну вот, теперь отвечай! – сказала Королева, посмотрев на часы. – Когда говоришь, открывай рот *немного* шире и не забывай прибавлять: «Ваше Величество»!

– Я просто хотела взглянуть на сад, Ваше Величество...

– Понятно, – сказала Королева и погладила Алису по голове, что не доставило той ни малейшего удовольствия. Оглядевшись, Королева прибавила: – Разве это сад? *Видала* я такие сады, рядом с которыми этот – просто заброшенный пустырь!

Алиса не осмелилась ей перечить и продолжала:

– А ещё я хотела подняться на вершину холма...

– Разве это холм? – перебила её Королева. – *Видала* я такие холмы, рядом с которыми этот – просто равнина!

– Ну нет! – сказала вдруг Алиса и сама удивилась, как это она решается возражать Королеве. – Холм *никак* не может быть равниной. Это уж совсем чепуха!

– Разве это чепуха? – сказала Королева и затрясла головой. – *Слыхала* я такую чепуху, рядом с которой эта разумна, как толковый словарь!

Тут Алиса снова сделала реверанс, потому что по голосу Королевы ей показалось, что та всё-таки *немного* обиделась. Они молча пошли дальше и наконец поднялись на вершину холма.

Несколько минут Алиса стояла, не говоря ни слова, – только глядела на раскинувшуюся у её ног страну.

Это была удивительная страна. Поперёк бежали прямые ручейки, а аккуратные живые изгороди делили пространство между ручейками на равные квадраты.

– По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, – сказала наконец Алиса. – Только фигур почему-то не видно... А впрочем, вот и они! – радостно закричала она, и сердце громко забилось у неё в груди. – Здесь играют в шахматы! Весь этот мир – шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая партия. Ой, как интересно! И как бы мне *хотелось*, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!

Она робко покосилась на настоящую Королеву, но та только милостиво улыбнулась и сказала:

– Это легко можно устроить. Если хочешь, становись Белой Королевской Пешкой. Крошка Лили ещё слишком мала для игры! К тому же ты сейчас стоишь как раз на второй линии. Доберёшься до восьмой, станешь Королевой...

Тут почему-то Алиса и Королева бросились бежать.

Позже, когда Алиса размышляла об этом дне, она никак не могла понять, как это случилось; она только помнила, что они бежали, крепко взявшись за руки, и Королева так неслась вперёд, что Алиса едва за ней поспевала, но Королева всё время только кричала:

– Быстрее! Быстрее!

Алиса чувствовала, что быстрее бежать она не может, но она задыхалась и не могла этого сказать.

Самое удивительное было то, что деревья не бежали, как следовало ожидать, им навстречу; как ни стремительно неслись Алиса и Королева, они не оставляли их позади.

Королева, видно, прочла её мысли.

– Быстрее! Быстрее! – закричала она. – Не разговаривай!

Но Алиса и не думала разговаривать. Ей уже казалось, что она никогда в жизни не сможет больше произнести ни слова, так она задыхалась, а Королева всё кричала:

– Быстрее! Быстрее!

И тянула её за руку.

– Далеко ещё? – с трудом вымолвила наконец Алиса.

– Не ещё, а уже! – ответила Королева. – Мы пробежали мимо десять минут назад! Быстрее!

И снова они неслись со всех ног, так что только ветер свистел у Алисы в ушах. Того и гляди, сорвёт с головы все волосы, подумалось Алисе.

– А ну давай! – кричала Королева. – Ещё быстрее!

И они помчались так быстро, что казалось, скользили по воздуху, вовсе не касаясь земли ногами, пока наконец, когда Алиса совсем уже выбилась из сил, они внезапно не остановились, и Алиса увидела, что сидит на земле и никак не может отдышаться.

Королева прислонила её к дереву и сказала ласково:

– А теперь можешь немного отдохнуть!

Алиса в изумлении огляделась.

– Что это? – спросила она. – Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?

– Ну конечно нет, – ответила Королева. – А ты чего хотела?

– *У нас*, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадёшь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну а *здесь*, знаешь ли, приходится бежать *со всех ног*, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!

– Ах нет, я никуда не хочу попасть! – сказала Алиса. – Мне и здесь хорошо. Очень хорошо! Только ужасно жарко и пить хочется!

– Этому горю помочь *нетрудно*, – сказала Королева и вынула из кармана небольшую коробку. – Хочешь сухарик?

Алиса подумала, что отказаться будет невежливо, хотя сухарь ей был совсем ни к чему. Она взяла сухарь и стала его жевать; сухарь был *страшно сухой*, и она чуть не подавилась.

– Пока ты утоляешь жажду, – сказала Королева, – я размечу площадку.

Она вынула из кармана ленту с делениями и принялась отмерять на земле расстояния и вбивать в землю колышки.

– Вот вобью ещё два колышка, – сказала она, – и покажу тебе, куда ты пойдёшь. Хочешь ещё сухарик?

– Нет, нет, благодарю вас, – ответила Алиса. – Одного *вполне* достаточно.

– Надеюсь, ты больше не хочешь пить? – спросила Королева.

Алиса растерялась, но, к счастью, Королева продолжала, не дожидаясь её ответа.

– На *третьей* линии я повторю тебе свои указания, чтобы ты их не забыла. На *четвёртой* – я с тобой распрощаюсь. На *пятой* – я тебя покину.

Между тем она кончила свою работу. Алиса с интересом смотрела, как Королева вернулась к дереву, а потом медленно пошла вдоль ряда колышков. Около второго она остановилась, повернулась и сказала:

– Пешка, как ты знаешь, первым ходом прыгает через клетку. Так что на третью клетку ты проскочишь *на всех парах* – на паровозе, должно быть, – и тут же окажешься на четвёртой. *Там* ты повстречаешь Труляля и Траляля... Пятая клетка залита водой, а в шестой расположился Шалтай-Болтай... Но ты молчишь?

– Разве... я должна... что-то сказать? – запинаясь, спросила Алиса.

– Тебе бы *следовало* поблагодарить меня за любезные пояснения, – отвечала Королева с укоризной. – Что же, предположим, что ты так и сделала... Значит, так: седьмая клетка вся заросла лесом, но ты не беспокойся: один из Рыцарей на Коне проведёт тебя через лес. Ну а на восьмой линии мы встретимся как равные – ты будешь Королевой, и мы устроим по этому случаю пир!

Алиса встала, сделала реверанс и снова опустилась на землю.

У следующего колышка Королева опять повернулась.

– Если не знаешь, что сказать, говори по-французски! – заметила она. – Когда идёшь, носки ставь врозь! И помни, кто ты такая!

С этими словами она повернулась, на этот раз не дожидаясь, пока Алиса сделает реверанс, подбежала к четвёртому колышку, оглянулась, сказала:

– Прощай! – и бросилась к последнему.

Как это произошло, Алиса не поняла, но стоило Королеве добежать до последнего колышка, как она тут же исчезла. То ли она растаяла в воздухе, то ли скрылась в лесу («Она ведь так *быстро* бегает!» – думала Алиса), трудно сказать, только она исчезла. А Алиса принялась размышлять о том, что она теперь Пешка и что скоро ей ходить.

Глава третья

Зазеркальные насекомые

Прежде всего, конечно, нужно было оглядеться и познакомиться со страной, по которой ей предстояло путешествовать.

«Совсем как на уроке географии», – подумала Алиса, поднимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть подальше.

– Главные реки? Никаких. Главные горы? Всего одна – и я на ней стою. Как она называется? По-моему, никак. Главные города?.. Ой, *кто это* там? Вьются, словно пчелиный рой... Только, конечно, пчёл на таком расстоянии не увидишь...

Она замолчала и стала смотреть на загадочных насекомых, которые кружили над цветами, погружая в них хоботки.

«Совсем как настоящие пчёлы», – подумала Алиса.

Конечно, это были совсем не пчёлы; по правде говоря, это были слоны, в чём Алиса очень скоро убедилась. У неё прямо дух захватило от этого открытия.

«А какие там огромные, должно быть, цветы! – размышляла Алиса. – Словно дом, только без крыши и на стебле! А сколько мёду! Подойду-ка я поближе... Нет, лучше подожду...»

Она начала было спускаться с холма, но вдруг оробела и остановилась.

«Прежде чем туда идти, нужно запастись хорошей веткой, чтобы отмахиваться от слонов, – оправдывалась она перед собой. – А как будет смешно, когда меня спросят дома, как мне здесь понравилось, и я скажу: „Очень приятная была прогулка, только... – Тут она тряхнула головой (такая уж у неё была привычка!). – Только было *жарко* и *пыльно*, и слоны *докучали*!"»

– Спущусь-ка я в другую сторону, – проговорила она, помолчав, – а к слонам пойду попозже. Мне ведь нужно *поскорее* попасть на третью линию!

С этими словами она сбежала с холма и перепрыгнула через первый из шести ручейков.

– Ваши билеты! – сказал Контролёр, всовывая голову в окошко.

Все тут же предъявили билеты; размером билеты были не меньше пассажиров, и в вагоне поэтому сразу стало очень тесно.

– Та-ак, – протянул Контролёр и сердито взглянул на Алису. – А где твой билет, девочка?

И все хором закричали («Словно припев в песне», – промелькнуло у Алисы в голове):

– Не задерживай его, девочка! Ты знаешь, сколько стоит время? Тысячу фунтов – одна минута!

– К сожалению, у меня нет билета, – испуганно сказала Алиса. – Там, где я села, не было кассы...

И хор голосов подхватил:

– Там не было места для кассы! Знаешь, сколько стоит там земля? Тысячу фунтов – один дюйм!

– Не оправдывайся, девочка! – сказал Контролёр. – Надо было купить билет у машиниста.

И снова хор голосов подхватил:

– У человека, который ведёт паровоз! Знаешь, сколько стоит дым от паровоза? Тысячу фунтов – одно колечко!

«Лучше мне промолчать», – подумала Алиса.

На этот раз, так как она не произнесла ни слова, никто ничего не сказал, но, к величайшему её удивлению, все хором подумали (надеюсь, ты понимаешь, что значит «думать хором», потому что мне, по правде говоря, это неясно): «Лучше промолчи! Знаешь, сколько стоит разговор? Тысячу фунтов – одно слово!»

«Сегодня мне всю ночь будет сниться тысяча фунтов!» – подумала Алиса.

А Контролёр всё это время внимательно её разглядывал – сначала в телескоп, потом в микроскоп и, наконец, в театральный бинокль. Наконец он сказал:

– И вообще ты едешь не в ту сторону!

Опустил окно и ушёл.

Господин, сидевший напротив (одет он был в белую бумагу), произнёс:

– Такая маленькая девочка должна знать, в какую сторону она едет, даже если она не знает, как её зовут!

Козёл, сидевший рядом с господином в белом, закрыл глаза и громко сказал:

– Она должна знать, как пройти в кассу, даже если она не умеет читать!

Рядом с Козлом сидел Жук (это был очень странный вагон, битком набитый пассажирами), и, так как говорить здесь, судя по всему, полагалось по очереди, он сказал:

– Придётся отправить её обратно с багажом.

Алисе не видно было, кто сидит за Жуком, она только услышала хриплый голос:

– Пусть пересядет на другой...

Тут голос закашлялся и замолк.

«Что это у него? Грипп?» – подумала Алиса.

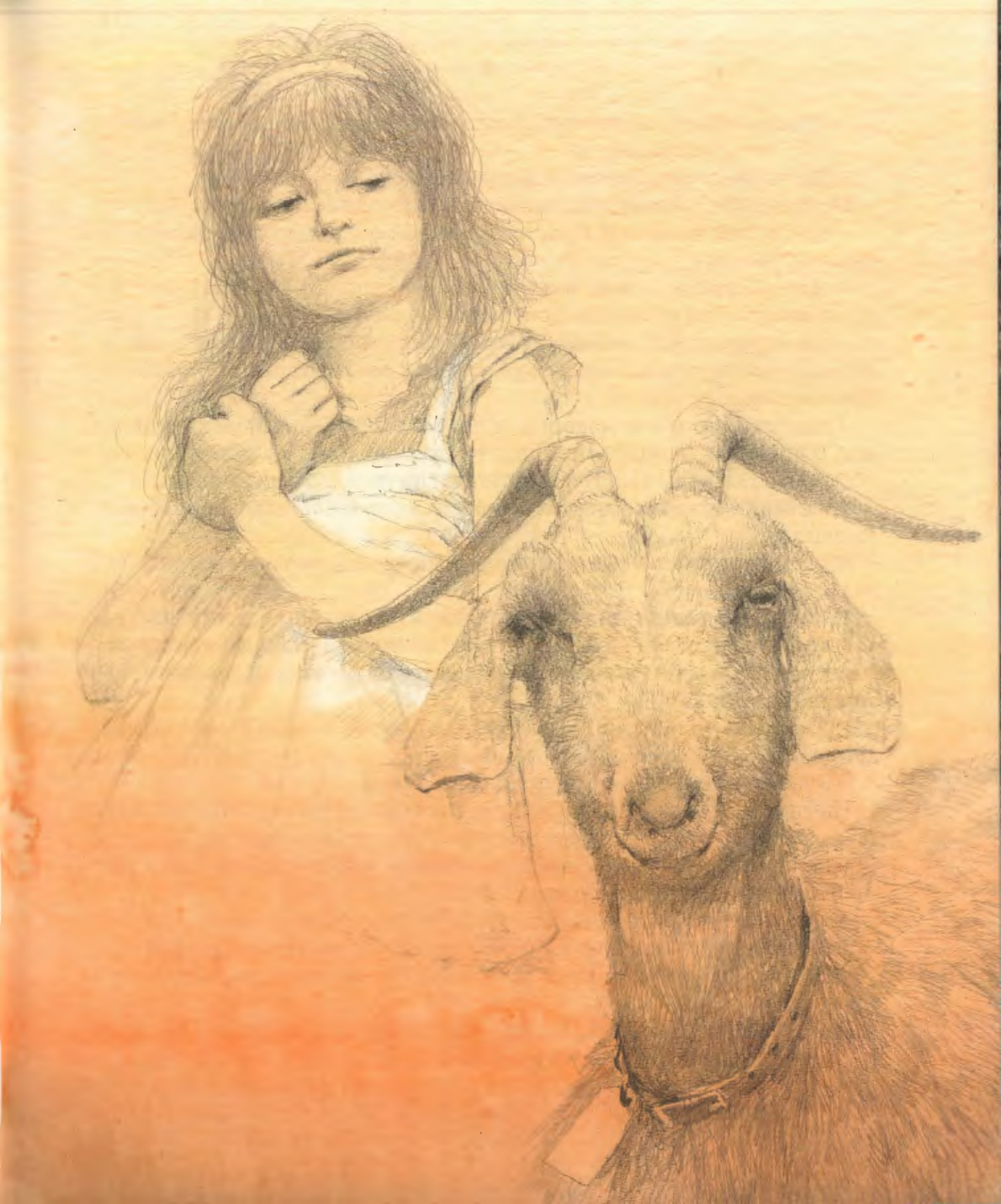
И тотчас же тоненький голосок прошептал ей прямо в ухо:

– Из этого вышла бы неплохая шутка: «Коль хрип – так грипп...» или ещё что-нибудь в таком же духе...

В самом конце вагона кто-то ласково пропел:

– На ней надо написать: «Хрупкая девочка! Не кантовать!»

А голоса продолжали выкрикивать («Сколько их здесь!» – подумала Алиса):



– Надо отправить её почтой! Налепить ей справа марку и отправить!

– Нет, лучше телеграфом!

– Пусть тянет поезд вместо паровоза!

Но господин в белой бумаге наклонился к Алисе и прошептал:

– Не слушай их, детка! Просто на каждой остановке покупай по обратному билету!

– И не подумаю! – воскликнула, потеряв терпение, Алиса. – Эта поездка мне совсем не нужна! Хочу в лес! В чащу!

– И из этого вышла бы неплохая шуточка, – проговорил тоненький голосок прямо у неё над ухом. – «Хочу почаще бродить по чаще...» Или ещё что-нибудь в этом же духе...

– Ах, оставьте меня, наконец, в покое! – сказала Алиса, оглядываясь. (Она никак не могла понять, кто это с ней говорит тоненьким голоском.) – Если вам так хочется шутить, шутите, пожалуйста, сами!

Тоненький голосок в ответ глубоко вздохнул. Он был, видно, *очень* несчастлив.

«Надо бы его утешить, – подумала Алиса. – Но только почему он не вздыхает, как люди!»

Понимаешь, вздох был такой лёгонький, что она бы его ни за что не услышала, если бы он не раздался у неё прямо над ухом. От этого в ухе у неё защекотало, и она перестала думать о горестях своего невидимого собеседника.

– Я знаю, что ты мне друг, – продолжал голосок. – Старый друг... верный друг... Ты меня не обидишь, даром что я насекомое...

– Какое насекомое? – забеспокоилась Алиса.

На самом деле она хотела узнать, кусается её собеседник или нет, но задать такой вопрос прямо было бы, конечно, невежливо.

– Неужели ты не догада... – начал тоненький голосок, но его заглушил пронзительный свисток паровоза.

Алиса и все остальные в тревоге повскакали со своих мест.

Лошадь, высунувшая голову в окно, оглянулась и спокойно сказала:

– Ничего страшного! Здесь ручеёк, который нам надо перепрыгнуть.

Все тут же успокоились, только Алисе было как-то не по себе при мысли о том, что поезда здесь прыгают.

«Зато я сразу попаду на четвёртую линию, – подумала она. – А это уже неплохо!»

В тот же миг она почувствовала, как поезд поднялся в воздух. От страха она вцепилась во что-то, оказавшееся у неё под рукой. Это была козлиная борода.

Не успела Алиса схватиться за неё, как борода словно растаяла в воздухе. Алиса оказалась под деревом, а над головой у неё на сучке устроился Комар (так вот кто был её невидимым собеседником!) и обмахивал Алису крылышками.

Это был *огромный* Комар.

«Не меньше гуся!» – подумала Алиса.

Но она ничуть не испугалась: чего ей было бояться после столь долгой и дружественной беседы?

– Значит, ты не всех насекомых любишь? – продолжал как ни в чём не бывало Комар.

– Я люблю тех, которые умеют говорить, – отвечала Алиса. – У нас насекомые не разговаривают.

– А каким насекомым у вас радуются? – спросил Комар.

– Я никаким насекомым не радуюсь, потому что я их боюсь, – призналась Алиса. – По крайней мере, больших. Но я могу вам сказать, как их зовут.

– А они, конечно, идут, когда их зовут? – небрежно заметил Комар.

– Нет, кажется, не идут.

– Тогда зачем же их звать, если они не идут?

– Им это ни к чему, а нам всё-таки нужно. Иначе зачем вообще знать, как что называется?

– Незачем, по-моему, – сказал Комар. – Если ты зайдёшь поглубже вон в тот лес, ты увидишь, что там нет никаких имён и названий. Впрочем, мы зря теряем время... Значит, какие у вас насекомые?

– Ну вот, к примеру, есть у нас Бабочка, – сказала Алиса и загнула на руке один палец.

– А-а, – протянул Комар. – Взгляни-ка на тот куст! Там на ветке сидит... Знаешь кто? Баобабочка! Она вся деревянная, а усики у неё зелёные и нежные, как молодые побеги!

– А что она ест? – спросила Алиса с любопытством.

– Стружки и опилки, – отвечал Комар. – А ещё кто у вас есть?

Алиса жадно разглядывала Баобабочку. Она была такая толстенькая и такая весёлая, что Алиса решила: она только что хорошо пообедала!

– А ещё у нас есть Стрекоза, – сказала она и загнула второй палец.

– Подними-ка голову, – сказал Комар. – Вон на той ветке прямо у тебя над головой сидит Стрекозёл. Бородатый, рогатый, и то и дело лезет бодаться!

– А он что ест? – снова спросила Алиса.

– Траву и отруби, – ответил Комар. – А гнездо он себе вьёт в хлеву.

Алиса долго задумчиво смотрела на Стрекозла и наконец сказала:

– А ещё у нас есть всякие Мошки.

– Взгляни-ка на то облачко, – заметил Комар. – Это вьются Бегемошки. Подумать только – такие толстые и неповоротливые, а как хорошо летают!

– А что они едят? – снова спросила Алиса.

– Мелкую рыбёшку и лягушек!

Алису одолели сомнения.

– А если рыбёшки не будет? – спросила она.

– Тогда они, конечно, умрут, – отвечал Комар.

– И часто так бывает?

– Всегда, – сказал Комар.

Алиса задумалась, между тем как Комар развлекался, кружа вокруг её головы. Наконец он уселся на ветку и пропищал:

– Хочешь потерять своё имя?

– Нет, – испугалась Алиса. – Конечно, не хочу!

– И зря, – сказал Комар небрежно. – Подумай, как это было бы удобно! Скажем, возвращаешься ты домой, а никто не знает, как тебя зовут. Захочет гувернантка позвать тебя на урок, крикнет: «Идите сюда...» – и остановится. Имя-то она забыла. А ты, конечно, не пойдёшь – ведь неизвестно, кого она звала!

– Это мне не поможет, – возразила Алиса. – Даже если она забудет моё имя, она всегда может сказать: «Послушайте, милочка...»

– Но ведь ты не Милочка, – перебил её Комар. – Ты и не будешь слушать! Хорошенькая вышла шутка, правда? Жаль, что не *ты* её придумала!

– Что это вы всё время предлагаете *мне* свои шутки? – спросила Алиса. – Эта, например, вам совсем не удалась!

Комар только глубоко вздохнул; по щекам у него покатились две крупных слезы.

– Не нужно шутить, – сказала Алиса, – если шутки вас так огорчают.

В ответ он снова грустно вздохнул, а когда Алиса подняла глаза, бедного Комара на ветке уже не было – должно быть, его унесло собственным вздохом.

Алиса так долго сидела без движения, что ей стало холодно; она поднялась и пошла вперёд.

Вскоре она вышла на полянку, за которой чернел лес. Он был гораздо мрачнее того, откуда она вышла, и Алиса *немножко* струсила. Всё же, поразмыслив, она решила идти вперёд.

«Не возвращаться же мне *назад*! – сказала она про себя. – Другого пути на восьмую линию нет.

Это, верно, тот самый лес, – размышляла она, – где нет никаких имён и названий. Интересно, неужели я тоже потеряю своё имя? Мне бы этого не хотелось! Если я останусь без имени, мне тотчас дадут другое, и наверняка какое-нибудь ужасное! А я примусь разыскивать того, кто подобрал моё старое имя. Вот будет смешно! Дам объявление в газету, будто я потеряла собаку: *“Потеряно имя по кличке...”* Тут, конечно, будет пропуск... *“На шее медный ошейник”*. И всех, кого ни встречу, буду окликать: “Алиса!” – вдруг кто-нибудь отзовётся. Только вряд ли... Разве что по глупости...»

Так, беседуя сама с собой, она незаметно дошла до леса; там было сумрачно и прохладно.

«По крайней мере, – подумала Алиса, ступив под деревья, – приятно немножко освежиться в этом... как его? Ну как же он *называется*?.. – Она с удивлением заметила, что никак не может вспомнить нужного слова. – Когда спрячешься под... ну как же их?.. под... *этими*... – Она погладила дерево по стволу. – Интересно, как они *называются*? А может, никак? Да, конечно, никак не называются!»

С минуту она стояла в глубокой задумчивости, а потом вдруг сказала:

– Значит, всё-таки это *случилось*! Кто же я теперь? Я должна *вспомнить*! Во что бы то ни стало должна!

Но, как она ни старалась, ничего у неё не выходило. Она всячески ломала себе голову, но вспомнить своё имя не могла.

– Помню только, что там есть *Л*... – сказала она наконец. – Ну конечно, оно начинается с *Л*...

Тут из-за дерева вышла Лань. Она взглянула на Алису огромными грустными глазами, но ничуть не испугалась.

– Тпрушеньки! Тпрушеньки! – сказала Алиса и протянула руку, чтобы её погладить.

Лань прянула в сторону, но не убежала, а остановилась, глядя на Алису.

– Как тебя зовут? – спросила Лань.

У неё был мягкий и нежный голос.

«Если б я только знала!» – подумала бедная Алиса. Вслух она грустно промолвила:

– Пока никак...

– Постарайся вспомнить, – сказала Лань. – Так нельзя...

Алиса постаралась, но всё было бесполезно.

– Скажите, а как *вас* зовут? – робко спросила она. – Вдруг это мне поможет...

– Отойдём немного, – сказала Лань. – *Здесь* мне не вспомнить...

Алиса нежно обняла Лань за мягкую шею, и они вместе пошли через лес. Наконец они вышли на другую поляну; Лань взвилась в воздух и сбросила с себя руку Алисы.

– Я Лань! – закричала она радостно. – А ты – человечий детёныш!

Тут в её прекрасных карих глазах мелькнула тревога, и она умчалась прочь.

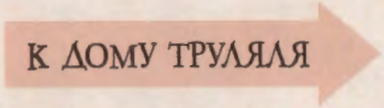
Алиса долго смотрела ей вслед; слёзы навёртывались ей на глаза при мысли, что она так внезапно потеряла свою милую спутницу.

– Ну что ж, – сказала она наконец. – Зато теперь я знаю, как меня зовут. И то хорошо... Алиса... Алиса... Больше уж ни за что не забуду... Посмотрю-ка я на эти указатели. Интересно, куда мне теперь идти?

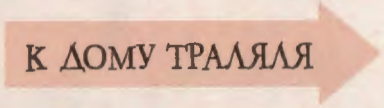
На этот вопрос ответить было нетрудно: через лес вела только одна дорога, и обе стрелки указывали на неё.

«Дойду до развилки, – подумала Алиса, – тогда и решу. Ведь там им придётся указывать в разные стороны».

Напрасно она на это надеялась! Она всё шла и шла по дороге, но и на развилках стрелки неизменно указывали в одну сторону. На одной из них было написано:



А на другой:



«Судя по всему, – размышляла Алиса, – они живут *вместе*. Как это я раньше не догадалась... Впрочем, я всё равно задерживаться у них не буду. Забегу на минутку, поздороваюсь и спрошу, как выйти из лесу. Только бы мне добраться до восьмой линии, пока не стемнеет!»

Так она шла и шла, разговаривая сама с собой, как вдруг дорожка круто повернула, и она увидела двух человечков, толстых, как набитые шерстью кули. Это было так неожиданно, что Алиса вздрогнула и остановилась. Впрочем, она тут же успокоилась, сообразив, что перед ней не два куля, а –

Глава четвёртая

Траляля и Труляля

Они стояли под деревом, обняв друг друга за плечи, и Алиса сразу поняла, кто из них Труляля, а кто – Траляля, потому что у одного на воротнике было вышито «ТРУ», а у другого – «ТРА».

«А "ЛЯЛЯ", верно, вышито у обоих сзади», – подумала Алиса.

Они стояли так неподвижно, что она совсем забыла о том, что они живые, и уже собиралась зайти им за спину и посмотреть, вышито ли у них на воротнике сзади «ЛЯЛЯ», как вдруг тот, на котором стояло «ТРУ», сказал:

– Если ты думаешь, что мы из воска, выкладывай тогда денежки! За посмотр деньги платят! Иначе не пойдёт! Ни в коем разе!

– И задом наперёд, совсем наоборот! – прибавил тот, на котором было вышито «ТРА». – Если, по-твоему, мы живые, тогда скажи что-нибудь...

– Пожалуйста, простите меня, – сказала Алиса, – я не хотела вас обидеть.

Больше она ничего сказать не могла, потому что в голове у неё неотвязно, словно тиканье часов, звучали слова старой песенки – она с трудом удержалась, чтобы не пропеть её вслух.

Раз Труляля и Траляля
Решили вздуть друг дружку,
Из-за того что Траляля
Испортил погремушку, –
Хорошую и новую
испортил погремушку.

Но ворон, чёрный будто ночь,
На них слетел во мраке.
Герои убежали прочь,
Совсем забыв о драке, –
Тра-ля-ля-ля, тру-ля-ля-ля,
совсем забыв о драке.

– Я знаю, о чём ты думаешь, – сказал Труляля, – но это не так! Ни в коем разе!

– И задом наперёд, совсем наоборот, – подхватил Траляля. – Если бы это было так, это бы ещё ничего, а если бы ничего, оно бы так и было, но так как это не так, так оно и не этак! Такова логика вещей!

– Я думала о том, – сказала вежливо Алиса, – как бы мне побыстрей выбраться из этого леса. Уже темнеет... Не покажете ли вы мне дорогу?

Но толстячки только переглянулись с усмешкой.

Они были до того похожи на школьников, выстроившихся для переклички, что Алиса не удержалась, ткнула пальцем в Труляля и крикнула:

– Первый!

– Ни в коем разе! – тут же отозвался Труляля и так быстро захлопнул рот, что зубы щёлкнули.

– Второй! – крикнула Алиса и ткнула пальцем в Траляля.

– Задом наперёд, совсем наоборот! – крикнул он.

Другого Алиса и не ждала.

– Ты неправильно начала! – воскликнул Труляля. – Когда знакомишься, нужно прежде всего поздороваться и пожать друг другу руки!

Тут братцы обнялись и, не выпуская друг друга из объятий, протянули по одной руке Алисе. Алиса не знала, что ей делать: пожать руку

сначала одному, а потом другому? А вдруг второй обидится? Тут её осенило, и она протянула им обе руки сразу. В следующую минуту все трое кружились, взявшись за руки, в хороводе. Алисе (как она вспоминала позже) это показалось вполне естественным; не удивилась она и тогда, когда услышала музыку; она лилась откуда-то сверху, может быть с деревьев, под которыми они танцевали? Сначала Алиса никак не могла понять, кто же там играет, но потом догадалась, что просто это ёлки бьются о палки, словно смычки о скрипки.

(«Смешнее всего было то, – рассказывала потом Алиса сестре, – что я и не заметила, как запела: *"Вот идём мы хороводом..."* Не знаю, когда я начала, но пела, верно, очень, очень долго!»)

Братцы были толстоваты: скоро они запыхались.

– Четыре круга – вполне достаточно для одного танца, – пропыхтел Труляля.

Они остановились так же внезапно, как и начали; музыка тут же смолкла.

Братья разжали пальцы и, не говоря ни слова, уставились на Алису; наступило неловкое молчание, ибо Алиса не знала, как полагается начинать беседу с теми, с кем ты только что танцевала.

«Нельзя же *сейчас* вдруг взять и сказать: "Здравствуйте!" – думала она. – Так или иначе, но здороваться уже поздно».

– Надеюсь, вы не очень устали? – спросила она наконец.

– Ни в коем разе! – отвечал Труляля. – Большое спасибо за внимание!

– *Премного благодарны!* – поддержал его Траляля. – Ты любишь стихи?

– Д-да, пожалуй, – ответила с запинкой Алиса. – Смотря *какие* стихи... Не скажете ли вы, как мне выйти из лесу?

– Что ей прочесть? – спросил Траляля, глядя широко открытыми глазами на брата и не обращая никакого внимания на её вопрос.

– *«Моржа и Плотника»*. Это самое длинное, – ответил Труляля и крепко обнял брата.

Траляля тут же начал:

– Сияло солнце в небесах...

ТРУ
ТРА

Алиса решилась прервать его.

– Если этот стишок *очень* длинный, – сказала она как можно вежливее, – пожалуйста, скажите мне сначала, какой дорогой...

Траляля нежно улыбнулся и начал снова:

– Сияло солнце в небесах,
Светило во всю мочь,
Была светла морская гладь,
Как зеркало точь-точъ,
Что очень странно – ведь тогда
Была глухая ночь.

И недовольная луна
Плыла над бездной вод
И говорила: «Что за чушь
Светить не в свой черёд?
И день – не день, и ночь – не ночь,
А всё наоборот».

И был, как суша, сух песок,
Была мокра вода.
Ты б не увидел в небе звёзд –
Их не было тогда.
Не пела птица над гнездом –
Там не было гнезда.

Но Морж и Плотник в эту ночь
Пошли на бережок,
И горько плакали они,
Взирая на песок:
«Ах, если б кто-нибудь убрать
Весь этот мусор мог!

Когда б служанка, взяв метлу,
Трудилась дотемна,

Смогла бы вымести песок
За целый день она?»
«Ах, если б знать! – заплакал Морж. –
Проблема так сложна!

Ах, Устрицы! Придите к нам, –
Он умолял в тоске, –
И погулять, и поболтать
Приятно на песке.
Мы будем с вами до утра
Бродить рука в руке».

Но Устрицы преклонных лет
Не выплыли на зов.
К чему для странствий покидать
Страну своих отцов?
Ведь можно дома в тишине
Прожить, в конце концов.

А юных Устриц удержать
Какой бы смертный мог?
Они в нарядных башмачках
Выходят на песок.
Что очень странно – ведь у них
Нет и в помине ног.

И, вымыв руки и лицо
Прохладною водой,
Они спешат, они ползут
Одна вослед другой
За Плотником и за Моржом
Весёлою гурьбой.

А Морж и Плотник шли и шли
Час или два подряд,
Потом уселись на скале
Среди крутых громад,
И Устрицы – все до одной –
Пред ними стали в ряд.

И молвил Морж: «Пришла пора
Подумать о делах:
О башмаках и сургуче,
Капусте, королях,
И почему, как суп в котле,
Кипит вода в морях».

Взмолились Устрицы: «Постой!
Дай нам передохнуть!
Мы все толстушки, и для нас
Был очень труден путь».
«Присядьте, – Плотник отвечал, –
Поспеем как-нибудь».

«Нам нужен хлеб, – промолвил Морж, –
И зелень на гарнир,
А также уксус и лимон
И непременно сыр,
И если вы не против, то
Начнём наш скромный пир».

«Ах, неужели мы для вас
Не больше чем еда,
Хотя вы были так добры,
Нас пригласив сюда!»
А Морж ответил: «Как блестит
Вечерняя звезда!

Я очень рад, что вы пришли
В пустынный этот край.
Вы так под уксусом нежны –
Любую выбирай».
А Плотник молвил: «Поскорей
Горчицу мне подай!»

«Мой друг, их заставлять спешить
Отнюдь мы не должны.
Проделав столь тяжёлый путь,
Они утомлены».
«С лимоном, – Плотник отвечал, –
Не так они вкусны».

«Мне так вас жаль, – заплакал Морж
И вытащил платок, –
Что я не в силах удержать
Горючих слёз поток».
И две тяжёлые слезы
Скатились на песок.

А Плотник молвил: «Хорошо
Прошлись мы в час ночной.
Наверно, Устрицы хотят
Пойти к себе домой?»
Но те молчали, так как их
Всех съели до одной.

– Мне больше нравится Морж, – сказала Алиса. – Ему, по крайней мере, было хоть *капельку* жалко бедных Устриц.

– Но съел он больше, чем Плотник, – возразил Траляля. – Просто он прикрывался платком, так что Плотник не мог сосчитать, сколько устриц он съел. Не мог! Задом наперёд, совсем наоборот!

– Какой жадный! – вскричала Алиса. – Тогда мне больше нравится Плотник! Он съел меньше, чем Морж!

– Просто ему не досталось больше, – сказал Траляля.

Алиса растерялась. Помолчав, она проговорила:

– Ну, тогда, значит, *оба* они хороши!

Тут она замолчала и в страхе прислушалась: в лесу неподалёку кто-то громко пыхтел, словно огромный паровоз. «Уж не дикий ли это зверь?» – мелькнуло у неё в голове.

– А в вашем лесу много тигров и львов? – робко спросила она.

– Это всего-навсего Красный Король, – сказал Траляля. – Расхрапелся немножко!

– Пойдём посмотрим на него! – закричали братья, взяли Алису за руки и подвели к спящему неподалёку Королю.

– *Милый*, правда? – спросил Траляля.

Алисе трудно было с ним согласиться. На Короле был красный ночной колпак с кисточкой и старый грязный халат, а лежал он под кустом и храпел с такой силой, что все деревья сотрясались.

– Так можно себе и голову отхрапеть! – заметил Труляля.

– Как бы он не простудился, – забеспокоилась Алиса, которая была очень заботливой девочкой. – Ведь он лежит на сырой траве!

– Ему снится сон! – сказал Траляля. – И как по-твоему, кто ему снится?

– Не знаю, – ответила Алиса. – Этого никто сказать не может.

– Ему снишься *ты*! – закричал Траляля и радостно захлопал в ладоши. – Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была?

– Там, где я и есть, конечно, – сказала Алиса.

– А вот и ошибаешься! – возразил с презрением Траляля. – Тебя бы тогда вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне.

– Если этот вот Король вдруг проснётся, – подтвердил Труляля, – ты сразу же – фьють! – потухнешь, как свеча!

– Ну нет, – возмегодовала Алиса. – И вовсе я не потухну! К тому же если я только *сон*, то кто же тогда вы, хотела бы я знать?

– То же самое, – сказал Труляля.

– Самое, самое, – подтвердил Траляля.

Он так громко прокричал эти слова, что Алиса испугалась.

– Ш-ш-ш, – прошептала она. – Не кричите, а то вы его разбудите!

– *Тебе-то* что об этом думать? – сказал Труляля. – Всё равно ты ему только снишься. Ты ведь не настоящая!

– Нет, *настоящая*! – крикнула Алиса и залилась слезами.

– Слезами делу не поможешь, – заметил Траляля. – О чём тут плакать?

– Если бы я была не настоящая, я бы не плакала, – сказала Алиса, улыбаясь сквозь слёзы: всё это было так глупо.

– Надеюсь, ты не думаешь, что это *настоящие* слёзы? – спросил Труляля с презрением.

«Я знаю, что всё это вздор, – подумала Алиса. – Глупо от этого плакать!»

Она вытерла слёзы и постаралась принять весёлый вид.

– Во всяком случае, мне надо поскорей выбраться из лесу. Уж очень что-то темнеет. Как по-вашему, это не дождь там собирается?

Труляля быстро раскрыл огромный зонтик и спрятался под ним вместе с братом. А потом задрал голову и произнёс:

– Никакого дождя не будет... по крайней мере, *здесь*! Ни в коем разе!

– А *снаружи*?

– Пусть себе идёт, если ему так хочется. Мы не возражаем! И даже задом наперёд, совсем наоборот!

«Только о себе и думают», – рассердилась Алиса и совсем уже собралась с ними распрощаться, как вдруг Труляля выскочил из-под зонта и схватил её за руку.

– *Видала*? – спросил он, задыхаясь от гнева.

Глаза его округлились и пожелтели, дрожащим пальцем он показывал на какую-то белую вещицу, которая валялась под деревом.

– Это всего-навсего погремушка, – сказала Алиса, всмотревшись. – Погремушка, а не *гремучая змея*, – поторопилась она добавить, думая, что он испугался. – Старая погремушка... Старая, никуда не годная погремушка!

– Так я и знал! – завопил Труляля, топая в бешенстве ногами, и принялся рвать на себе волосы. – Поломана, конечно!

Он глянул на Траляля, который тотчас повалился на землю и постарался спрятаться под зонтом.

Алиса положила руку на плечо Труляля.

– Не стоит так сердиться из-за старой погремушки! – сказала она примирительно.

– И вовсе она *не старая*! – закричал Труляля, разъяряясь пуще прежнего. – Она *совсем новая*! Я только вчера её купил! Хорошая моя... новая моя... ПОГРЕМУШЕЧКА!

И он зарыдал во весь голос.

А Траляля меж тем пытался спрятаться в зонтик, закрывая его вместе с собой. Это было так странно, что, засмотревшись, Алиса совсем забыла про его разгневанного братца. Правда, зонтик у Траляля никак не закрывался; кончилось всё тем, что он совсем запутался и покатился в зонтике по земле – наружу торчала одна голова. Так он и лежал, ловя воздух ртом и широко раскрыв глаза.

«Ужасно похож на рыбу!» – подумала Алиса.

– Что ж, вздуем друг дружку? – спросил Труляля, внезапно успокаиваясь.

– Пожалуй, – угрюмо отвечал Траляля, вылезая из зонтика. – Только пусть *она* поможет нам одеться.

Братья взялись за руки и отправились в лес, а через минуту вернулись с грудой всяких вещей: были тут и диванные валики, и каминные коврики, и одеяла, и скатерти, и крышки от кастрюль, и совки для угля.

– Надеюсь, завязывать и закалывать ты умеешь? – спросил Труляля. – Всё это нужно на нас надеть и как-то закрепить!

Позже Алиса рассказывала, что в жизни не видела такой суеты. Как они хлопотали! А сколько всего на себя понадевали! И всё нужно было как-то прикрепить и пристегнуть.

«Если они всё на себя натянут, – подумала Алиса, – они будут совсем как узлы со старым тряпьём!»

В эту минуту она как раз прилаживала Траляля на шею диванный валик.

– Привяжи покрепче, а то отрежет мне ненароком голову, – сказал Траляля. И, подумав, мрачно прибавил: – Знаешь, одна из самых серьёзных потерь в битве – это потеря головы.

Алиса фыркнула и тут же закашлялась, чтобы прикрыть свой смех. Она боялась его обидеть.

– Я очень бледный? – спросил Труляля, подходя к Алисе, чтобы она привязала ему шлем к голове. (Труляля *называл* его шлемом, хотя шлем этот, по правде говоря, походил больше на сковородку.)

– Пожалуй... *бледноват*, – осторожно ответила Алиса.

– Вообще-то я очень храбрый, – сказал Труляля, понизив голос. – Только сегодня у меня голова болит!

Но Траляля его услышал.

– А у меня болит зуб! – закричал он. – Мне больнее, чем тебе!

– Тогда не деритесь сегодня, – обрадовалась Алиса. Ей так хотелось их примирить.

– Слегка подраться всё же нам *придётся*, – сказал Труляля. – Но я не настаиваю на долгой драке. Который теперь час?

Траляля взглянул на свои часы и сказал:

– Половина пятого.

– Подерёмся часов до шести, а потом пообедаем, – предложил Труляля.

– Что ж, – отвечал со вздохом Траляля, – решено. А *она* пусть смотрит!

И, повернувшись к Алисе, прибавил:

– Только *очень* близко не подходи! Я, когда разойдусь, сокрушаю всё, что попадёт мне под руку!

– А я сокрушаю всё, что попадёт мне под ногу! – закричал Труляля.

Алиса засмеялась.

– Вот, верно, достаётся от вас *деревьям*! – сказала она.

Труляля огляделся с довольной улыбкой.

– К тому времени, когда драка будет закончена, – сказал он, – вокруг не останется ни одного дерева! Ни одного во всём лесу!

– И всё из-за погремушки! – сказала она, все ещё надеясь, что они хоть немного устыдятся.

– Я бы ему ни слова не сказал, – ответил Труляля. – Но она была совсем новая!

«Хоть бы уж этот страшный ворон прилетал поскорее!» – подумала Алиса.

– Знаешь, – сказал Труляля брату, – у нас всего одна шпага. Но *ты* можешь драться зонтом. Он острый, не хуже шпаги! Что же, надо торопиться! Скоро будет темно, как в бочке!

– И даже ещё темнее, – прибавил Траляля.

Тут всё вокруг так почернело, что Алиса решила: приближается гроза.

– Какая огромная туча! – сказала она. – Как быстро она приближается! Ой, у неё, по-моему, крылья!

– Это ворон! – пронзительно вскрикнул Труляля.

Братья бросились бежать и через минуту скрылись из виду.

Алиса нырнула в лес и спряталась под большим деревом.

«*Здесь* ему до меня не добраться, – подумала она. – Он такой огромный, что между деревьев ему не пролезть! Как он машет крыльями! От них в лесу прямо буря поднялась! Вон летит чья-то шаль! Видно, её сорвало ветром...»

Глава пятая

Вода и вязание

С этими словами она поймала шаль и стала смотреть, кому бы её отдать. Не прошло и минуты, как из чащи стремительно выбежала Белая Королева, широко раскинув руки, словно в полёте. Алиса с улыбкой пошла ей навстречу с шалью в руках.

– Я так рада, что перехватила её, – сказала Алиса и накинула шаль Королеве на плечи.

Белая Королева только взглянула на неё испуганно и растерянно и тихонько что-то пробормотала. Похоже было, что она твердит: «Бутерброд! Бутерброд!» Впрочем, разобрать слова было невозможно. Одно было ясно: если ей хочется побеседовать с Королевой, начинать придётся самой. Помолчав, Алиса робко промолвила:

– Я уже отчаялась...

Но Королева не дала ей договорить.

– Отч*аялась*? – повторила она. – Разве ты пьёшь чай, а не молоко? Не знаю, как это можно пить чай! Да ещё утром!

Алисе не хотелось начинать знакомство спором. Она улыбнулась и сказала:

– Если Ваше Величество скажет мне, когда нужно пить чай, я постараюсь всегда следовать вашему совету.

– Детям чай пить совсем не надо! – сказала Королева. – Пусть пьют молоко! Другое дело – взрослые... Я вот сейчас, к примеру, битых два часа отчаивалась... с вареньем и сладкими булочками.

Пожалуй, было бы лучше (так, по крайней мере, показалось Алисе), если б она не отчаивалась так долго, а немного причесалась.

«Всё на ней вкривь и вкось! – подумала Алиса, глядя на Королеву. – Всюду булавки!»

– Разрешите, я поправлю вам шаль, – сказала она вслух. – Она съехала набок...

– Не пойму, что с ней такое, – грустно проговорила Королева. – Должно быть, она не в духе. Я её где только могла приколола, но ей никак не угодишь!

– *Немудрено*, – сказала Алиса, осторожно поправив шаль. – Ведь вы её приkололи всю на один бок! А волосы! В каком они виде!

– Щётка в них запуталась, – сказала Королева со вздохом. – А гребень я вчера потеряла...

Алиса осторожно вытащила щётку и, как могла, причесала Королеву.

– Ну вот, теперь, пожалуй, лучше, – сказала она, переколов чуть не все булавки. – Но знаете, вам нужна горничная.

– *Тебя* я взяла бы с удовольствием, – откликнулась Королева. – Два пенса в неделю и варенье на завтра!

Алиса рассмеялась.

– Нет, *я* в горничные не пойду, – сказала она. – К тому же варенье я не люблю!

– Варенье отличное, – настаивала Королева.

– Спасибо, но *сегодня* мне, право, не хочется!

– Сегодня ты бы его всё равно *не получила*, даже если б очень захотела, – ответила Королева. – Правило у меня твёрдое: варенье на завтра! И *только* на завтра!

– Но ведь завтра когда-нибудь будет *сегодня*!

– Нет, никогда! Завтра *никогда* не бывает сегодня! Разве можно проснуться поутру и сказать: «Ну вот, сейчас наконец завтра»?

– Ничего не понимаю, – протянула Алиса. – Всё это так запутано!

– Просто ты не привыкла жить в обратную сторону, – добродушно объяснила Королева. – Поначалу у всех немного кружится голова...

– В обратную сторону! – повторила Алиса в изумлении. – Никогда такого не слыхала!

– Одно хорошо, – продолжала Королева. – Помнишь при этом и прошлое, и будущее!

– У *меня* память не такая, – сказала Алиса. – Я не могу вспомнить то, что ещё не случилось.

– Значит, у тебя память неважная, – заявила Королева.

– А *вы* что помните лучше всего? – спросила Алиса, набравшись храбрости.

– То, что случится через две недели, – небрежно сказала Королева, вынимая из кармана пластырь и заклеивая им палец. – Возьмём, к примеру, Королевского Гонца. Он сейчас в тюрьме, отбывает наказание, а суд начнётся только в будущую среду. Ну а про преступление он ещё и не думал!

– А если он не совершит преступления? – спросила Алиса.

– Тем лучше, – сказала Королева и обвязала пластырь на пальце ленточкой. – Не правда ли?

Возражать было нечего.

– Конечно, – согласилась Алиса. – Только за что же его тогда наказывать?

– *Тут* ты ошибаешься, – сказала Королева. – Тебя когда-нибудь наказывали?

– Разве что за провинности, – призналась Алиса.

– И тебе это только пошло на пользу, правда? – произнесла торжествующе Королева.

– Да, но ведь меня было *за что* наказывать! – отвечала Алиса. – А это большая разница!

– И всё же было бы лучше, если б тебя наказывать было *не за что*! Гораздо лучше! Да, лучше! Лучше! – ответила Королева. С каждым словом её голос звучал всё громче и наконец поднялся до крика.

– Здесь что-то не то... – начала Алиса, но тут Королева так завопила, что она замолчала на полуслове.

– А-а-а-а! – кричала Королева. – Кровь из пальца! Хлещет кровь!

При этом она так трясла рукой, словно хотела, чтобы палец вообще оторвался. Крик её был пронзительным, словно свисток паровоза; Алиса зажала уши руками.

– Что случилось? – спросила она, как только Королева замолчала, чтобы набрать воздуха в лёгкие. – Вы укололи палец?

– *Ещё не* уколола, – сказала Королева, – но сейчас уколю! А-а-а!

– Когда вы собираетесь сделать это? – спросила Алиса, с трудом сдерживая смех.

– Сейчас буду закалывать шаль – и уколю, – простонала бедная Королева. – Брошка отколется сию минуту! А-а-а-а!

Тут брошка действительно откололась – Королева быстро, не глядя, схватила её и попыталась приколоть обратно.

– Осторожно! – закричала Алиса. – Вы её не так держите!

И она поспешила на помощь Королеве. Но было уже поздно – остриё соскользнуло, и Королева уколола себе палец.

– Вот почему из пальца шла кровь, – сказала она с улыбкой Алисе. – Теперь ты понимаешь, как всё здесь происходит!

– Но почему же вы сейчас не кричите? – спросила Алиса, снова готовясь зажать уши.

– Я уже откричалась, – ответила Королева. – К чему начинать всё сначала?

В лесу между тем посветлело.

– Должно быть, ворон улетел, – сказала Алиса. – Как я рада! Я думала, уже ночь наступает.

– А *я* уже ничему не рада, – вздохнула Королева. – Забыла, как это делается. Тебе повезло: живёшь в лесу, да ещё радуешься, когда захочешь!

– Только здесь *очень* одиноко! – с грустью промолвила Алиса. Стоило ей подумать о собственном одиночестве, как две крупных слезы покатились у неё по щекам.

– Ах, умоляю тебя, не надо! – закричала Королева, в отчаянии ломая руки. – Подумай о том, какая ты умница! Подумай о том, сколько ты сегодня прошла! Подумай о том, который теперь час! Подумай о чём угодно – только не плачь!

Тут Алиса не выдержала и рассмеялась сквозь слёзы.

– Разве, когда думаешь, *не плачешь*? – спросила она.

– Конечно нет, – решительно отвечала Королева. – Ведь невозможно делать две вещи сразу! Давай для начала подумаем о том, сколько тебе лет.

– Мне ровно семь с половиной! Честное слово!

– Не клянись, – сказала Королева. – Я тебе и так верю! А вот теперь и *ты* попробуй мне поверить: мне ровно сто один год пять месяцев и один день!

– *Не может быть!* – воскликнула Алиса. – Я этому поверить не могу!

– Не можешь? – повторила Королева с жалостью. – Попробуй ещё раз: вздохни поглубже и закрой глаза.

Алиса рассмеялась.

– Это не поможет! – сказала она. – Нельзя *поверить* в невозможное!

– Просто у тебя мало опыта, – заметила Королева. – В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака! Ах, опять моя шаль куда-то летит!

Брошь снова откололась, и внезапный порыв ветра сорвал шаль с плеч Королевы и понёс её за ручеёк. Королева распростёрла руки и понеслась за шалью. На этот раз она поймала её сама.

– Попалась! – закричала она, торжествуя. – Смотри, на этот раз я заколю её сама, без посторонней помощи!

– Значит, палец у вас больше не болит? – спросила вежливо Алиса и вслед за Королевой перешла ручеёк.

– Нет, не болит, – отвечала Королева. – Спасибо тебе... бе-е-е... бе-е-е... бе-е-е!

Она кричала всё громче и громче, а последнее слово проблеяла, словно овца, – да так похоже, что Алиса совсем растерялась.

Она взглянула на Королеву – и не поверила своим глазам: в один миг Королева оделась овечьей шерстью. Алиса протёрла глаза и снова взглянула на Королеву. Она никак не могла понять, что произошло. Где она? В лавочке?

И кто это сидит по ту сторону прилавка? Неужели *овца*? Но как она ни тёрла глаза, всё оставалось без изменений: она стояла в тёмной комнате, облокотившись о прилавок, а напротив в кресле сидела старенькая Овца и что-то вязала на спицах, поглядывая через огромные очки на Алису.

– Что ты хочешь купить? – спросила Овца наконец, подняв глаза от вязания.

– Я *ещё* не знаю, – тихонько ответила Алиса. – Мне бы хотелось сначала осмотреться вокруг. Если можно, конечно...

– Осматривайся на здоровье! – сказала Овца. – Только выражайся точнее. Вперёд, направо и налево ты смотреть можешь, но как ты собираешься смотреть *назад*, *я*, право, не знаю! Может, у тебя есть глаза на затылке?

Увы! На затылке у Алисы, как ни странно, глаз *не было* – пришлось ей просто повернуться и пойти вдоль полок.

Лавка была битком набита всякими диковинками, но вот что странно: стоило Алисе подойти к какой-нибудь полке и посмотреть на неё повнимательней, как она тотчас же пустела, хотя соседние полки прямо ломились от всякого товара.

– Какие здесь вещи текучие! – жалобно проговорила Алиса.

Вот уже несколько минут, как она гонялась за какой-то яркой вещицей. То ли это была кукла, то ли рабочая шкатулка, но в руки она никак не давалась. Стоило Алисе потянуться к ней, как она перелетала на полку повыше.

«Ужасно капризная вещица, – подумала про себя Алиса. – Хуже всех прочих...»

Тут Алису осенило.

– Полезу за ней до самой верхней полки. Не улетит же она сквозь потолок!

Но из этой затеи ничего не вышло: вещица преспокойно вылетела себе сквозь потолок! Можно было подумать, будто она всю жизнь только этим и занималась.

– Скажи на милость: ты девочка или юла? – спросила Овца и взяла ещё одну пару спиц. – Ты так вертишься, что у меня уже голова кружится.

В руках она сейчас держала четырнадцать пар спиц – и вязала на всех одновременно. Алиса смотрела на неё с величайшим удивлением.

«*Как* это у неё получается? – недоумевала Алиса. – С каждой минутой она всё больше становится похожа на дикобраза!»

– Грести умеешь? – спросила Овца и подала Алисе пару спиц.

– Немножко... Но только не на земле и... не спицами, конечно... – начала Алиса.

В ту же минуту спицы у неё в руках превратились в вёсла. Она увидела, что сидит в лодочке, а лодочка скользит по реке, меж берегов. Пришлось Алисе взяться за вёсла.

– Не зарывай! – крикнула Овца и прихватила ещё одну пару спиц.

Вряд ли она ждала ответа, так что Алиса промолчала и налегла на вёсла.

Вода в реке была какая-то странная: вёсла то и дело в ней завязали, и вытащить их было нелегко.

– Не зарывай! Не зарывай! – кричала Овца и брала всё больше и больше спиц в руки. – Что это ты там, ворон считаешь?

«А воронята какие славные! – подумала Алиса. – Как бы мне хотелось одного!»

– Ты что, не слышишь? – сказала сердито Овца и взяла ещё целую связку спиц. – Я тебе говорю: не зарывай!

– Ещё бы не слышать! – отвечала Алиса. – Вы только это и говорите! Да ещё так громко к тому же! Скажите, а где же вороны?

– В небе, конечно! Где же им ещё быть! – сказала Овца и воткнула несколько спиц себе в волосы (руки у неё уже были полны). – Не зарывай же, тебе говорю!

– *Почему* вы всё время говорите: «Не зарывай»? – спросила наконец Алиса с досадой. – Что я зарываю? И куда?

– Ум ты свой зарыла! А куда – не знаю!

Алиса немного обиделась, и разговор на время заглох, меж тем как лодка медленно скользила по воде, минуя то тихие заводи, поросшие водорослями (вёсла в них так увязли, что, казалось, вытащить их уже никогда не удастся), то деревья, склонившие ветки до самой воды. Крутые берега хмуро смотрели на них с обеих сторон.

– Взгляните! – вдруг в восторге закричала Алиса. – Душистые кувшинки! До чего красивые! Прошу вас...

– И *не проси*! – сказала Овца, не поднимая глаз от вязания. – Я их туда не сажала и вырывать их оттуда не собираюсь! Меня просить не о чем!

– Ах нет, прошу вас, давайте нарвём кувшинок, – сказала Алиса. – Остановите, пожалуйста, лодку!

– Почему это я должна её останавливать? – спросила Овца. – Не греби – она и остановится!

Алиса подняла вёсла – лодка замедлила свой бег, и скоро течение тихонько поднесло её к кувшинкам. Алиса осторожно засучила рукава и, погрузив руки по локти в воду, стала рвать кувшинки, стараясь, чтобы стебли были подлиннее. Волосы её спутались и упали в воду, глаза жадно блестели; забыв и о вязании, и об Овце, она склонилась над бортом лодки и рвала прелестные кувшинки.

«Только бы лодка не перевернулась, – думала она. – Ой, какая *красивая*! Как бы мне до неё дотянуться!»

Обиднее всего было то, что, хотя ей и удалось сорвать несколько крупных кувшинок, до самых красивых дотянуться она не смогла. («Можно подумать, что это они нарочно», – подумалось Алисе.)

– До самого красивого никогда не дотянешься, – сказала наконец Алиса со вздохом досады и выпрямилась.

Щёки у неё раскраснелись, с волос и рук ручьями текла вода. Она уселась на место и принялась разбирать цветы.

Что ей было до того, что они вяли на глазах, теряя свою свежесть и красоту? Даже настоящие кувшинки держатся очень недолго, ну а эти таяли как во сне. Но Алиса этого не замечала – вокруг творилось столько всего необычного!

Не успели они отплыть немного, как одно весло завязло в воде и ни за что *не желало* вылезать (так рассказывала об этом потом Алиса); оно ударило Алису ручкой под подбородок и, как она ни кричала, сбросило её на дно лодки, прямо на груду цветов, лежащую там.

Как ни странно, Алиса совсем не ушиблась и тут же поднялась на ноги. Овца же всё это время стучала спицами как ни в чём не бывало.

Алиса села на своё место, радуясь, что не упала в воду.

– Ну и ворона! – сказала Овца.

– Где? – спросила Алиса, оглядываясь. – Я не видала! Как жалко! Мне бы так хотелось привезти домой маленького воронёночка!

Овца в ответ только презрительно рассмеялась, не отрываясь от вязания.

– А много здесь ворон? – спросила Алиса.

– Ворон и всякого другого товара, – отвечала Овца. – Выбор богатый, только решись! Так что ты *хочешь купить*?

– Купить? – повторила Алиса с недоумением и испугом.

Вёсла, река и лодочка исчезли в мгновение ока, и она снова оказалась в тёмной лавочке.

– Я бы хотела купить яйцо, если можно, – робко сказала она наконец. – Почём они у вас?

– За одно – пять пенсов с фартингом, а за два – два пенса, – объявила Овца.

– Значит, два яйца дешевле, чем одно? – удивилась Алиса, доставая кошелёк.

– Только если купишь два, нужно оба *съесть*, – сказала Овца.

– Тогда дайте мне, пожалуйста, *одно*, – попросила Алиса и положила деньги на прилавок. Про себя же она подумала: «Может, они несвежие, кто знает!»

Овца взяла деньги и спрятала их в коробку, а потом сказала:

– Я никому ничего не даю в руки. Это бесполезно: тебе нужно, ты и бери!

С этими словами она прошла в дальний конец лавки и поставила на полку яйцо – острым концом вверх!

«Интересно, *почему* это бесполезно? – размышляла Алиса, пробираясь на ощупь между столами и стульями. В дальнем конце лавки было

очень темно. – Что это? Чем ближе я подхожу к яйцу, тем дальше оно уходит от меня! А это что такое – стул? Почему же у него тогда ветки? Откуда здесь деревья? А вот ручеёк! В жизни не видела такой странной лавки!»

Так размышляла Алиса, с каждым шагом удивляясь всё больше и больше. Стоило ей подойти поближе, как всё вокруг превращалось в деревья, и она уже думала, что и яйцо последует общему примеру.

Глава шестая

Шалтай-Болтай

Яйцо, однако, всё росло и росло – в облике его постепенно стало появляться что-то человеческое. Подойдя поближе, Алиса увидела, что у него есть глаза, нос и рот, а сделав ещё несколько шагов, поняла, что это ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ собственной персоной.

«Ну конечно, это он – и никто другой! – сказала она про себя. – Мне это так же ясно, как если бы его имя было написано у него на лбу!»

Лоб этот был такой огромный, что имя уместилось бы на нём раз сто, не меньше.

Шалтай-Болтай сидел, сложив по-турецки ноги, на стене, такой тонкой, что Алиса только диву далась, как это он не падает; и, так как глаза его были неподвижно устремлены в противоположном направлении и он не обращал на неё ни малейшего внимания, она решила, что это просто-напросто чучело.

– А как похож на яйцо! – произнесла она вслух и подставила руки, чтобы поймать его, если он свалится со стены.

– До чего мне это *надоело*! – сказал вдруг после долгого молчания Шалтай-Болтай, не глядя на Алису. – Все зовут меня яйцом – ну просто *все до единого*!

– Я только сказала, что вы похожи на яйцо, сэр, – мягко пояснила Алиса. – К тому же некоторые яйца очень хороши собой.

Ей хотелось сказать ему что-нибудь приятное, чтобы смягчить невольную обиду.

– А некоторые люди очень умны, – сказал Шалтай, всё так же глядя в сторону, – совсем как грудные младенцы!

Алиса не знала, что отвечать; беседа не клеилась – к тому же какая это беседа, если он на неё ни разу и не взглянул? Последнюю фразу он произнёс, обращаясь, по всей видимости, к дереву. Алиса стояла и тихонько повторяла про себя:

– Шалтай-Болтай ногами болтал.
Шалтай-Болтай со стены упал.
Шалтая-Болтая не может поднять
Вся королевская рать!

«Зачем повторять одно и то же столько раз! – чуть не сказала она вслух, совсем забыв, что Шалтай может её услышать. – И так всё ясно».

– Что это ты там бормочешь? – спросил Шалтай, впервые прямо взглянув на неё. – Скажи-ка мне лучше, как тебя зовут и зачем ты сюда явилась.

– *Меня* зовут Алиса, а...

– Какое глупое имя, – нетерпеливо прервал её Шалтай-Болтай. – Что оно значит?

– Разве имя *должно* что-то значить? – проговорила Алиса с сомнением.

– Конечно должно, – ответил Шалтай-Болтай и фыркнул. – Возьмём, к примеру, моё имя – оно выражает мою суть! Замечательную и чудесную суть! А с таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно... Ну просто чем угодно!

– А почему вы здесь сидите совсем один? – спросила Алиса, не желая вступать с ним в спор.

– Потому что со мной здесь никого нет! – крикнул в ответ Шалтай-Болтай. – Ты думала, я не знаю, как *ответить*? Загадай мне ещё что-нибудь!

– А вам не кажется, что внизу вам будет спокойнее? – снова спросила Алиса. Она совсем не собиралась загадывать Шалтаю загадки, просто она волновалась за этого чудака. – Стена такая тонкая!

– Ужасно лёгкие загадки ты загадываешь! – проворчал Шалтай. – К чему мне падать? Но даже если б я *упал* – что совершенно исключается, – но даже *если б* это вдруг случилось...

Тут он поджал губы с таким величественным и важным видом, что Алиса с трудом удержалась от смеха.

– *Если б* я всё-таки *упал*, – продолжал Шалтай, – *Король обещал мне*... Ты, я вижу, побледнела. Немудрено! Этого ты не ожидала, да? *Король обещал мне... Да, он так мне прямо и сказал*, что он...

– ...Пошлёт всю свою конницу, всю свою рать! – не выдержала Алиса.

Лучше бы она этого не говорила!

– Ну уж это слишком! – закричал Шалтай-Болтай сердито. – Ты подслушивала под дверью... за деревом... в печной трубе... А не то откуда бы тебе об этом знать!

– Нет, я не подслушивала, – возразила Алиса. – Я узнала об этом из книжки.

– А-а, ну в *книжке* про это могли написать, – смягчился Шалтай. – Это, можно сказать, «История Англии»! Так, кажется, вы её называете? Смотри же на меня хорошенько! Это я разговаривал с Королём, я – и никто другой! Кто знает, увидишь ли ты другого такого! Можешь пожать мне руку – я не гордый!

И он ухмыльнулся во весь рот, подался вперёд (так что чуть не упал со стены) и протянул Алисе руку. Алиса пожала её, с тревогой глядя на Шалтая.

«Стоит ему улыбнуться пошире, – подумала она, – как уголки его рта сойдутся на затылке. Не знаю, *что* тогда будет с его головой... Она тогда просто отлетит!»

– Да-да! – говорил меж тем Шалтай-Болтай, – вся королевская конница, вся королевская рать кинется ко мне на помощь. Они меня *живо* соберут, можешь не сомневаться! Впрочем, мы слишком далеко зашли в нашей беседе. Давай вернёмся к предпоследнему замечанию...

– К сожалению, я не очень хорошо его помню, – сказала Алиса вежливо.

– В таком случае начнём всё сначала, – отвечал Шалтай-Болтай. – Теперь моя очередь спрашивать! («Можно подумать, что мы играем в такую игру!» – подумала Алиса.) Вот тебе вопрос! Как ты сказала, сколько тебе лет?

Алиса быстро посчитала в уме и ответила:

– Семь лет и шесть месяцев!

– А вот и ошиблась! – закричал торжествующе Шалтай. – Ты ведь мне об этом ни слова не сказала!

– Я думала, вы хотели спросить, *сколько мне лет*, – пояснила Алиса.

– Если б я хотел, я бы так и спросил, – сказал Шалтай.

Алиса решила не затевать новый спор и промолчала.

– Семь лет и шесть месяцев, – повторил задумчиво Шалтай. – Какой неудобный возраст! Если б ты *со мной* посоветовалась, я бы тебе сказал: «Остановись на семи!» Но сейчас уже поздно.

– Я никогда ни с кем не советуюсь, расти мне или нет, – возмущённо сказала Алиса.

– Что, гордость не позволяет? – поинтересовался Шалтай.

Алиса ещё больше возмутилась.

– Ведь это от меня не зависит, – сказала она. – Все растут! Не могу же я одна не расти!

– *Одна*, возможно, и не можешь, – сказал Шалтай. – Но *вдвоём* уже гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь – и прикончила б всё это дело к семи годам!

– Какой у вас красивый пояс! – заметила вдруг Алиса. (Достаточно уже они поговорили о возрасте, и если они и вправду по очереди выбирали темы для беседы, то теперь был *её* черёд.) – Нет, не пояс, а галстук! – тут же поправилась она. – Ведь это, конечно, галстук... Или нет... Я, кажется, опять ошиблась. Это пояс!

Шалтай-Болтай нахмурился.

– Пожалуйста, простите!

Вид у Шалтая был такой обиженный, что Алиса подумала: «Зачем только я заговорила про это! Если б только я могла разобрать, где у него шея, а где талия», – сказала она про себя.

Судя по всему, Шалтай-Болтай очень рассердился. С минуту он молчал, а потом просипел глубоким басом:

– *Как мне... надоели...* все, кто не может отличить пояс от галстука!

– Я страшно необразованная, я знаю! – сказала Алиса с таким смирением, что Шалтай мгновенно смягчился.

– Это галстук, дитя моё! И очень красивый! Тут ты совершенно права! Подарок от Белого Короля и Королевы! Понятно?

– Неужели? – воскликнула Алиса, радуясь, что тема для разговора была всё же выбрана *удачно*.

– Они подарили его мне, – продолжал задумчиво Шалтай-Болтай, закинув ногу за ногу и обхватывая колено руками, – они подарили его мне на день... на день нерожденья.

– Простите? – переспросила Алиса, растерявшись.

– Я не обиделся, – отвечал Шалтай-Болтай. – Можешь не извиняться!

– Простите, но я не поняла: подарок на день нерожденья? Что это такое?

– Подарок, который тебе дарят не на день рожденья, конечно.

Алиса задумалась.

– Мне больше нравятся подарки на день рожденья, – сказала она наконец.

– А вот и зря! – вскричал Шалтай-Болтай. – Сколько в году дней?

– Триста шестьдесят пять.

– А сколько у тебя дней рожденья?

– Один.

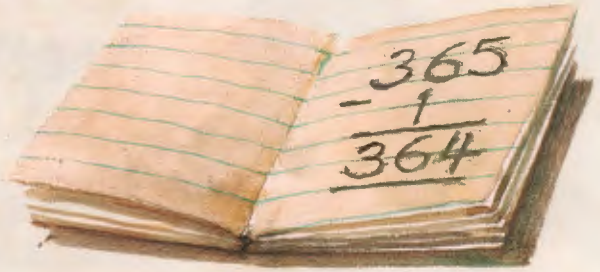
– Триста шестьдесят пять минус один – сколько это будет?

– Триста шестьдесят четыре, конечно.

Шалтай-Болтай поглядел на Алису с недоверием.

– Ну-ка, посчитай на бумажке, – сказал он.

Алиса улыбнулась, вынула из кармана записную книжку и написала:



Шалтай-Болтай взял книжку и уставился в неё.

– Кажется, здесь нет ошиб... – начал он.

– Вы её держите вверх ногами, – прервала его Алиса.

– Ну конечно, – весело заметил Шалтай-Болтай и взял перевёрнутую Алисой книжку. – То-то я смотрю, как странно всё это выглядит! Поэтому я и сказал: «*Кажется*, здесь нет ошибки!» – хоть я и не успел разобраться как следует... Значит, так: триста шестьдесят четыре дня в году ты можешь получать подарки на день нерожденья...

– Совершенно верно, – сказала Алиса.

– И только *один* раз на день рожденья! Вот тебе и слава!

– Я не понимаю, при чём здесь «слава»? – спросила Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

– И не поймёшь, пока я тебе не объясню, – ответил он. – Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»

– Но «слава» совсем не значит «разъяснил, как по полкам разложил!» – возразила Алиса.

– Когда *я* беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай презрительно.

– Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай. – Вот в чём вопрос!

Алиса вконец растерялась и не знала, что и сказать; помолчав с минуту, Шалтай-Болтай заговорил снова:

– Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы! Гонору в них слишком много! Прилагательные попроще – с ними делай что хочешь. Но глаголы себе на уме! Впрочем, я с ними со всеми справляюсь. Световодозвуконепроницаемость! Вот что я говорю!

– Скажите, пожалуйста, что это такое? – спросила Алиса.

– Вот теперь ты говоришь дело, дитя, – ответил Шалтай, так и сияя от радости. – Я хотел сказать: «Хватит об этом! Скажи-ка мне лучше, что ты будешь делать дальше? Ты ведь не собираешься всю жизнь здесь сидеть!»

– И всё это в одном слове? – сказала задумчиво Алиса. – Не слишком ли это много для одного!

– Когда одному слову так достаётся, я всегда плачу ему сверхурочные, – сказал Шалтай-Болтай.

– Ах вот как, – заметила Алиса.

Она совсем запуталась и не знала, что и сказать.

– Посмотрела бы ты, как они окружают меня по субботам, – продолжал Шалтай, значительно покачивая головой. – Я всегда сам выдаю им жалованье.

(Алиса не решилась спросить, чем он им платит, поэтому и я ничего не могу об этом сказать.)

– Вы так хорошо объясняете слова, сэр, – сказала Алиса. – Объясните мне, пожалуйста, что значит стихотворение под названием «Бармаглот».

– Прочитай-ка его, – ответил Шалтай. – Я могу тебе объяснить все стихи, какие только были придуманы, и кое-что из тех, которых ещё не было!

Это обнадёжило Алису, и она начала:

– Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

– Что же, хватит для начала! – остановил её Шалтай. – Здесь трудных слов достаточно! Значит, так: *«варкалось»* – это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед.

– Понятно, – сказала Алиса, – а *«хливкие»*?

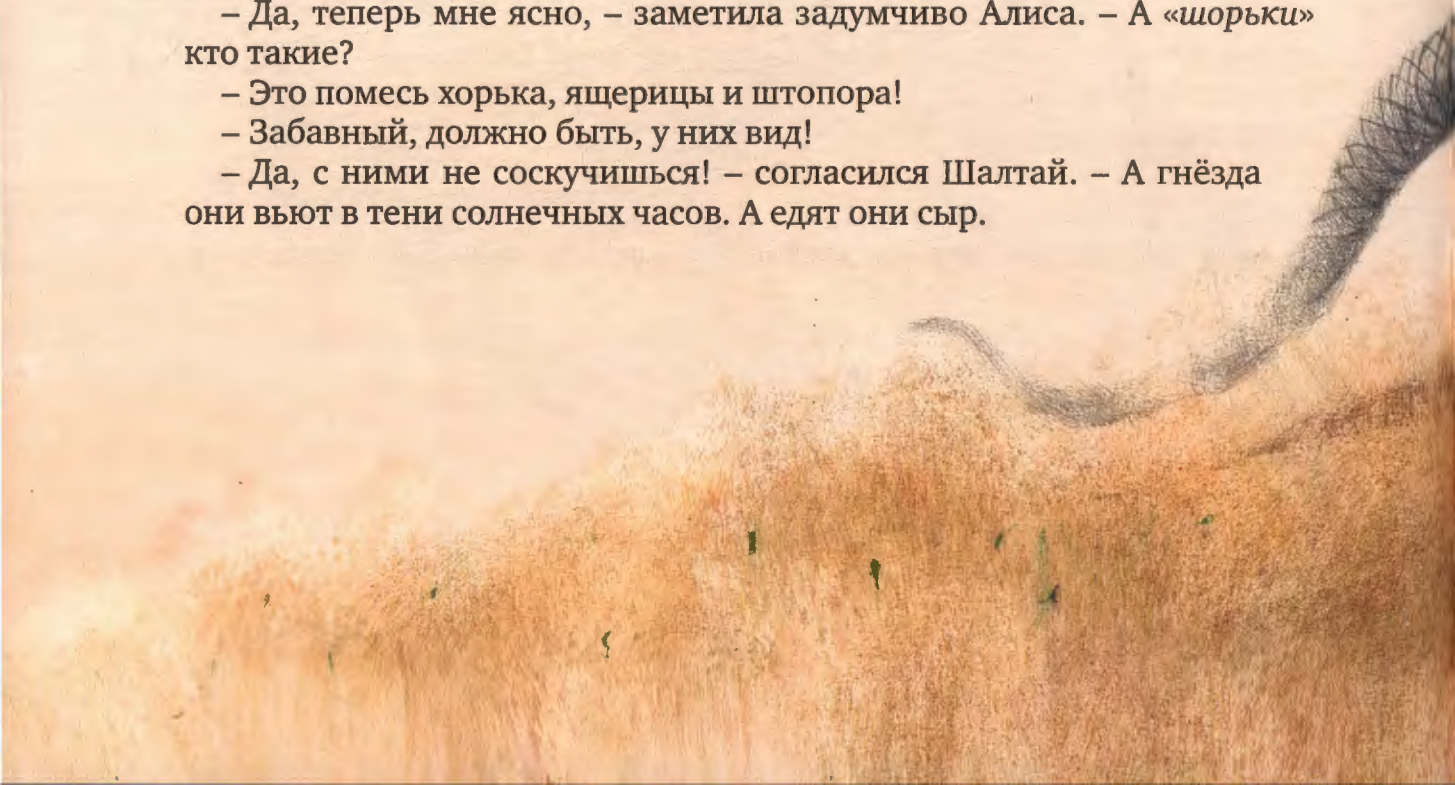
– *«Хливкие»* – это хлипкие и ловкие. «Хлипкие» значит то же, что и «хилые». Понимаешь, это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения! Так и тут – это слово раскладывается на два!

– Да, теперь мне ясно, – заметила задумчиво Алиса. – А *«шорьки»* кто такие?

– Это помесь хорька, ящерицы и штопора!

– Забавный, должно быть, у них вид!

– Да, с ними не соскучишься! – согласился Шалтай. – А гнёзда они вьют в тени солнечных часов. А едят они сыр.



– А что такое «*пырялись*»?

– Прыгали, ныряли, вертелись!

– А «*нава*», – сказала Алиса, удивляясь собственной сообразительности, – это трава под солнечными часами, верно?

– Ну да, конечно! Она называется «*нава*», потому что простирается немножко направо... немножко налево...

– И немножко назад! – радостно закончила Алиса.

– Совершенно верно! Ну а «*хрюкотали*» – это хрюкали и хохотали... или, может, летали, не знаю. А «*зелюки*» – это зелёные индюки! Вот тебе ещё один бумажник!

– А «*мюмзики*» – это тоже такие зверьки? – спросила Алиса. – Боюсь, я вас очень затрудняю.

– Нет, это птицы! Бедные! Перья у них растрёпаны и торчат во все стороны, будто веник... Ну а насчёт «мовы» я и сам сомневаюсь. По-моему, это значит «далеко от дома». Смысл тот, что они потерялись. Надеюсь, ты теперь *довольна*? Где ты слышала такие мудрёные вещи?

– Я прочитала их сама в книжке, – ответила Алиса. – А вот Траляля... да, кажется, Траляля, читал *мне* стихи, так они были гораздо понятнее!

– Что до стихов, – сказал Шалтай и торжественно поднял руку, – *я* тоже их читаю не хуже других. Если уж на то пошло...

– Ах нет, пожалуйста, не надо, – торопливо сказала Алиса.

Но он не обратил на её слова никакого внимания.

– Вещь, которую я сейчас прочитаю, – произнёс он, – была написана специально для того, чтобы тебя развлечь.

Алиса поняла, что *придётся* ей его выслушать. Она села и грустно сказала:

– Спасибо.

– Зимой, когда белы поля,
Пою, соседей веселя.

Это так только говорится, – объяснил Шалтай. – Конечно, я совсем не пою.

– Я вижу, – сказала Алиса.

– Если ты *видишь*, пою я или нет, значит, у тебя очень острое зрение, – ответил Шалтай.

Алиса промолчала.

– Весной, когда растёт трава,
Мои припомните слова.

– Постараюсь, – сказала Алиса.

– А летом ночь короче дня,
И может, ты поймёшь меня.

Глубокой осенью в тиши
Возьми перо и запиши.

– Хорошо, – сказала Алиса. – Если только я к тому времени их не позабуду.

– А ты не можешь помолчать? – спросил Шалтай. – Несёшь ерунду – только меня сбиваешь.

В записке к рыбам как-то раз
Я объявил: «Вот мой приказ».

И вскоре (через десять лет)
Я получил от них ответ.

Вот что они писали мне:
«Мы были б рады, но мы не...»

– Боюсь, я не совсем понимаю, – сказала Алиса.

– Дальше будет легче, – ответил Шалтай-Болтай. –

Я им послал письмо опять:
«Я вас прошу не возражать!»

Они ответили: «Но, сэр!
У вас, как видно, нет манер!»

Сказал им раз, сказал им два –
Напрасны были все слова.

Я больше вытерпеть не мог.
И вот достал я котелок...

(А сердце – бух, а сердце – стук.)
Налил воды, нарезал лук...

Тут Некто из Чужой Земли
Сказал мне: «Рыбки спать легли».

Я отвечал: «Тогда пойди
И этих рыбок разбуди».

Я очень громко говорил,
Кричал я из последних сил.

Шалтай-Болтай прокричал последнюю строчку так громко, что Алиса подумала: «Не *завидую* я этому чужестранцу!»

Но он был горд и был упрям,
И он сказал: «Какой бедлам!»

Он был упрям и очень горд,
И он воскликнул: «Что за чёрт!»

Я штопор взял и ватерпас,
Сказал я: «Обойдусь без вас!»

Я волновался неспроста –
Дверь оказалась заперта.

Стучал я в дверь, стучал в окно,
И достучался бы я, но...

Наступило долгое молчание.

– И это всё? – спросила робко Алиса.

– Да, – сказал Шалтай-Болтай. – Прощай!

Этого Алиса не ожидала, но после такого *прозрачного* намёка оставаться было бы невежливо. Она встала и протянула Шалтаю руку.

– До свидания, – сказала она, стараясь, чтобы голос её звучал бодро. – Надеюсь, мы ещё встретимся.

– Даже если *встретимся*, я тебя всё равно не узнаю, – недовольно проворчал Шалтай и подал ей один палец. – Ты так похожа на всех людей!

– Обычно людей различают по лицам, – заметила задумчиво Алиса.

– Вот я и говорю, – сказал Шалтай-Болтай. – Все на одно лицо: два глаза (и он дважды ткнул большим пальцем в воздухе)... в середине – нос, а под ним – рот. У всех всегда одно и то же! Вот если бы у тебя оба глаза были на одной стороне, а рот на лбу, тогда я, *возможно*, тебя бы запомнил.

– Но это было бы так некрасиво! – возразила Алиса.

В ответ Шалтай-Болтай только закрыл глаза и сказал:

– Попробуй – увидишь!

Алиса немножко подождала, не скажет ли он ещё что-нибудь, но он не открывал глаз и вёл себя так, словно её здесь и не было.

– До свидания, – сказала она снова и, не получив ответа, тихонько пошла прочь.

Она шла и шептала:

– В жизни не встречала такого препротивнейшего...

Она остановилась и громко повторила это слово – оно было такое длинное, что произносить его было необычайно приятно.

– В *жизни* не встречала такого препротивнейшего...

Но ей не суждено было закончить эту фразу: страшный грохот прокатился по лесу.

Глава седьмая

Лев и Единорог

В тот же миг по лесу побежала королевская рать – солдаты бежали сначала по двое и по трое, потом десятками и сотнями и, наконец, огромными толпами, так что, казалось, весь лес наполнился ими; Алиса испугалась, как бы её не затоптали, и, спрятавшись за дерево, смотрела на них.

Никогда в жизни ей не доводилось видеть солдат, которые так плохо бы держались на ногах: они то и дело спотыкались и падали, а стоило одному из них упасть, как на него тут же валился ещё десяток, так что вскоре по всему лесу солдаты валялись кучами.

За солдатами появилась королевская конница. У коней всё же было по четыре ноги, но и они порой спотыкались, и, если уж конь спотыкался, всадник – такое уж, видно, тут было правило – тотчас летел на землю. В лесу началась кутерьма, и Алиса рада была выбраться на полянку, где она увидела Белого Короля – он сидел на земле и что-то торопливо писал в записной книжке.

– Я послал всю королевскую конницу и всю королевскую рать! – воскликнул Король радостно, завидев Алису. – Ты шла лесом, милая? Ты их, наверное, видела?

– Да, видела, – сказала Алиса. – Как тут не увидеть. Их там целые тысячи!

– Точнее, четыре тысячи двести семь человек, – сказал Король, заглянув в записную книжку. – Я оставил себе только двух коней – они мне нужны для игры. И двух гонцов я тоже не послал – они в городе. Я жду их с минуты на минуту. Взгляни-ка на дорогу! Кого ты там видишь?

– Никого, – сказала Алиса.

– *Мне* бы такое зрение! – заметил Король с завистью. – Увидеть Никого! Да ещё на таком расстоянии! А *я* против солнца и настоящих-то людей с трудом различаю!

Но Алиса его не слушала: она не отрываясь смотрела из-под руки на дорогу.

– Там кто-то идёт! – сказала она наконец. – Только очень медленно. И как-то странно!

(Гонец прыгал то на одной ножке, то на другой, а то извивался ужом, раскинув руки как крылья.)

– А-а! – сказал Король. – Это Англосаксонский Гонец со своими англосаксонскими позами. Он всегда так, когда думает о чём-нибудь весёлом. А зовут его Зай Атс.

– «Мою любовь зовут на *З*», – быстро начала Алиса. – Я его люблю, потому что он Задумчивый. Я его боюсь, потому что он Задира. Я его кормлю... Запеканками и Занозами. А живёт он...

– Здесь, – сказал Король, и не помышляя об игре: пока Алиса искала город на *З*, он в простоте душевной закончил её фразу.

– А второго Гонца зовут Болванс Чик, – прибавил Король. – У меня их *два* – один бежит туда, а другой – оттуда.

– Прошу вас... – начала Алиса.

– Не попрошайничай, – сказал Король строго. – Порядочные люди этого не делают!

– Я просто хотела сказать: «Прошу вас, объясните мне это, пожалуйста». Как это: один бежит туда, а другой оттуда? Я не понимаю...

– Но я же тебе говорю: у меня их *два!* – отвечал Король нетерпеливо. – Один живёт, другой – хлеб жуёт.

В эту минуту к ним подбежал Гонец; он так запыхался, что не мог произнести ни слова – только махал руками и строил бедному Королю рожи.

– Эта молодая особа любит тебя, потому что ты задумчивый, – сказал Король, представляя Алису.

Он надеялся отвлечь внимание Гонца, но тщетно – Англосаксонский Гонец не бросил своих штучек, а только бешено завращал глазами и принялся выкидывать одно коленце чуднее другого.

– Ты меня пугаешь! – сказал Король. – Мне дурно... Дай мне запеканки!

К величайшему восторгу Алисы, Гонец тут же открыл сумку, висевшую у него через плечо, вынул запеканку и подал Королю, который с жадностью её проглотил.

– Ещё! – потребовал Король.

– Больше не осталось – одни занозы, – ответил Гонец, заглянув в сумку.

– Давай занозы, – прошептал Король, закатывая глаза.

Занозы Королю явно помогли, и Алиса вздохнула с облегчением.

– Когда тебе дурно, всегда ешь занозы, – сказал Король, усиленно работая челюстями. – Другого такого средства не сыщешь!

– Правда? – усомнилась Алиса. – Можно ведь брызнуть холодной водой или дать понюхать нашатырю. Это лучше, чем занозы!

– Знаю, знаю, – отвечал Король. – Но я ведь сказал: «Другого такого средства не сыщешь!» *Другого*, а не *лучше*!

Алиса не решилась ему возразить.

– Кого ты встретил по дороге? – спросил Король Гонца, протягивая руку за второй порцией заноз.

– Никого, – отвечал Гонец.

– Слышал, слышал, – сказал Король. – Эта молодая особа тоже его видела. Он, значит, не так быстро бегает, как ты?

– Я стараюсь как могу, – отвечал угрюмо Гонец. – Никто меня не обгонит!

– Конечно, не обгонит, – подтвердил Король. – Иначе он пришёл бы сюда первым! Что ж, ты теперь отдышался, скажи-ка, что слышно в городе?

– Лучше я шепну вам на ухо, – сказал Гонец и, поднеся руки трубкой ко рту, нагнулся к Королю.

Алиса огорчилась – ей тоже хотелось знать, что происходит в городе. Но Гонец гаркнул Королю прямо в ухо:

– Они опять взялись за своё!

– *Это*, по-твоему, шёпот? – вскричал бедный Король, подскочив на месте и передёргивая плечами. – Не смей больше так кричать! А не то живо велю тебя поджарить на сливочном масле! У меня в голове всё гудит, словно там землетрясение!

«Маленькое такое землетрясеньице», – подумала про себя Алиса. Вслух же она спросила:

– Кто взялся за своё?

– Как – кто? Единорог и Лев, конечно, – отвечал Король.

– Смертный бой за корону? – спросила Алиса.

– Ну конечно, – сказал Король. – Смешнее всего то, что они бьются за *мою* корону! Побежим посмотрим?

И они побежали. На бегу Алиса твердила про себя слова старой песенки:

– Вёл за корону смертный бой со Львом Единорог.
Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог,
Кто подавал им чёрный хлеб, а кто давал пирог,
А после их под барабан прогнали за порог.

– Кто... победит... получит... корону? – спросила Алиса, тяжело дыша.

– Ну нет! – сказал Король. – Что это тебе в голову пришло?

– Будьте так добры... – проговорила, задыхаясь, Алиса. – Давайте сядем на минутку... чтоб отдышаться немного.

– Сядем *на* Минутку? – повторил Король. – И это ты называешь *добротой*? К тому же Минутку надо сначала поймать. А мне это не под силу! Она пролетает быстро, как Брандашмыг! За ней не угонишься!

У Алисы от бега перехватило дыхание – она не могла в ответ сказать ни слова. Молча они побежали дальше, пока не увидели наконец

огромную толпу, окружившую Льва и Единорога, которые бились так, что пыль стояла столбом... Поначалу Алиса никак не могла разобрать, где Лев, а где Единорог, но наконец узнала Единорога по торчащему вперёд рогу.

Они протиснулись вперёд и стали рядом со вторым Гонцом, Болванс Чиком, который наблюдал бой, держа в одной руке чашку с чаем, а в другой – бутерброд.

– Его только что выпустили из тюрьмы, – шепнул Зай Атс Алисе. – А когда его взяли, он только что начал пить чай. В тюрьме же их кормили одними устричными ракушками. Вот почему он так голоден.

И, подойдя к Болванс Чику, он нежно обнял его за плечи.

– Как поживаешь, дитя? – спросил он.

Болванс Чик оглянулся, кивнул и снова принялся жевать.

– Хорошо тебе было в тюрьме, дитя? – спросил Зай Атс.

Болванс Чик снова оглянулся: из глаз его упали две слезы – и опять он не сказал ни слова.

– Что же ты молчишь? – нетерпеливо вскричал Зай Атс.

Но Болванс Чик только откусил ещё хлеба и запил его чаем.

– Что же ты молчишь? – воскликнул Король. – Как тут они дерутся?

Болванс Чик сделал над собой отчаянное усилие и разом проглотил большой кусок хлеба с маслом.

– Очень хорошо, – отвечал он, давясь. – Каждый из них вот уже около восьмидесяти семи раз был сбит с ног!

– Значит, скоро им подадут чёрный хлеб и пирог? – спросила, осмелев, Алиса.

– Да, уже всё готово, – отвечал Болванс Чик. – Я даже отрезал себе кусочек.

Тут бой прекратился, и Лев с Единорогом уселись, тяжело дыша, на землю.

– Перерыв – десять минут! – закричал Король. – Всем подкрепиться!

Гонцы вскочили на ноги и обнесли всех хлебом. Алиса взяла кусочек на пробу, но он был *очень* сухой.

– Вряд ли они будут сегодня ещё драться, – сказал Король Болванс Чику. – Поди вели барабанщикам начинать!

Болванс Чик кинулся исполнять приказание. Алиса молча смотрела ему вслед. Вдруг она оживилась.

– Смотрите! Смотрите! – закричала она. – Вон Белая Королева! Выскочила из лесу и бежит через поле! Как эти Королевы *носятся*!

– Ей, видно, кто-то грозит, – проговорил Король, не поднимая глаз. – Какой-нибудь враг! Тот лес ими так и кишит!

– Разве вы не поспешите ей на помощь? – спросила Алиса, не понимая, почему он так спокоен.

– Не к чему! Не к чему! – сказал Король. – Она так бегает, что её не догонишь! Всё равно что пытаться поймать Брандашмыга! Но, если хочешь, я сделаю о ней запись в своей книжке...

Он открыл книжку и начал писать.

– «Она такое милое и доброе существо», – произнёс он вполголоса и взглянул на Алису. – Как писать «существо» – через «е» или «и»?

Мимо, сунув руки в карманы, прошествовал Единорог.

– Сегодня я взял верх, – бросил он небрежно, едва взглянув на Короля.

– Слегка, – нервно отвечал Король. – Только зачем вы проткнули его насквозь?

– Больно ему не было, – сказал Единорог спокойно.

И пошёл было мимо. Но тут взгляд его упал на Алису. Он круто повернулся и начал разглядывать её с глубочайшим отвращением.

– Это... что... такое? – спросил он наконец.

– Это детёныш, – с готовностью ответил Зай Атс. Он подошёл к Алисе и, представляя её, широко повёл обеими руками, приняв одну из англосаксонских поз. – Мы только сегодня её нашли! Это самый настоящий, живой детёныш – живее некуда!

– А я-то всегда был уверен, что дети – просто сказочные чудища, – заметил Единорог. – Как ты сказал? Она живая?

– Она говорящая, – торжественно отвечал Зай Атс.

Единорог задумчиво посмотрел на Алису и проговорил:

– Говори, детёныш!

Губы у Алисы дрогнули в улыбке, и она сказала:

– А знаете, я всегда была уверена, что единороги – просто сказочные чудища! Я никогда не видела живого единорога!

– Что ж, теперь, когда мы *увидели* друг друга, – сказал Единорог, – можем договориться: если ты будешь верить в меня, я буду верить в тебя! Идёт?

– Да, если вам угодно, – отвечала Алиса.

– Подавай-ка пироги, старина, – продолжал Единорог, поворачиваясь к Королю. – Чёрный хлеб я в рот не беру!

– Сейчас, сейчас, – пробормотал Король и подал знак Болванс Чику. – Открой сумку – да поживее! – прошептал он. – Да не ту, там одни занозы!

Болванс Чик вынул из сумки огромный пирог и дал его Алисе подержать, а сам достал ещё блюдо и большой хлебный нож. Как там столько уместилось, Алиса понять не могла. Всё это было похоже на фокус в цирке.

В это время к ним подошёл Лев – вид у него был усталый и сонный, глаза то и дело закрывались.

– А это что такое? – спросил он, моргая, голосом глухим и глубоким, словно колокол.

– Попробуй *отгадай*! – воскликнул радостно Единорог. – Ни за что не отгадаешь! *Я* и то не смог!

Лев устало посмотрел на Алису.

– Ты кто? – спросил он, зевая после каждого слова. – Животное?.. Растение?.. Минерал?..

Не успела Алиса и рта раскрыть, как Единорог закричал:

– Это сказочное чудище – вот это кто!

– Что ж, угости нас пирогом, Чудище, – сказал Лев и улёгся на траву, положив подбородок на лапы. И, взглянув на Короля и Единорога, прибавил: – Да сядьте вы! Только смотрите мне – пирог делить по-честному!

Королю, видно, не очень-то хотелось сидеть между Единорогом и Львом, но делать было нечего: другого места для него не нашлось.

– А вот *сейчас* можно бы устроить великолепный бой за корону, – сказал Единорог, хитро поглядывая на Короля.

Бедный Король так дрожал, что корона чуть не слетела у него с головы.

– Я бы легко одержал победу, – сказал Лев.

– Сомневаюсь, – заметил Единорог.

– Я ж тебя прогнал по всему городу, щенок, – разгневался Лев и приподнялся.

Ссора грозила разгореться, но тут вмешался Король. Он очень нервничал, и голос его дрожал от волнения.

– По всему городу? – переспросил он. – Это немало! Как вы гонялись – через старый мост или через рынок? Вид со старого моста не имеет себе равных...

– Не знаю, – проворчал Лев и снова улёгся на траву. – Пыль стояла столбом – я ничего не видел. Что это Чудище так долго режет пирог?

Алиса сидела на берегу ручейка, поставив большое блюдо себе на колени, и прилежно водила ножом.

– Ничего не понимаю! – сказала она Льву (она уже почти привыкла к тому, что её зовут Чудищем). – Я уже отрезала несколько кусков, а они опять срастаются!

– Ты не умеешь обращаться с Зазеркальными пирогами, – заметил Единорог. – Сначала раздай всем пирога, а потом разрежь его!

Конечно, это было бессмысленно, но Алиса послушно встала, обнесла всех пирогом, и он тут же разделился на три части.

– А *теперь* разрежь его, – сказал Лев, когда Алиса села на своё место с пустым блюдом в руках.

– Это нечестно! – закричал Единорог. (Алиса в растерянности смотрела на пустое блюдо, держа в руке нож.) – Чудище дало Льву кусок вдвое больше моего!

– Зато себе оно ничего не взяло, – сказал Лев. – Ты любишь сливовый пирог, Чудище?

Не успела Алиса ответить, как забили барабаны.

Она никак не могла понять, откуда раздаётся барабанная дробь, но воздух прямо дрожал от неё. Барабаны гремели всё громче и громче и совсем оглушили Алису.

Она вскочила на ноги и в ужасе бросилась бежать, перепрыгнув

через ручеёк. Краем глаза она увидала, как Лев и Единорог поднялись с места, разгневавшись, что их оторвали от еды, а потом упала на колени и зажала руками уши, тщетно стараясь приглушить этот отчаянный грохот.

«Если сейчас они не убегут из города, – подумала она, – тогда уж они останутся тут навек!»

Глава восьмая

«Это моё собственное изобретение!»

Немного спустя шум постепенно затих, и наступила такая мёртвая тишина, что Алиса в тревоге подняла голову. Вокруг не было видно ни души. Уж не приснились ли ей и Лев, и Единорог, и странные Англосаксонские Гонцы, подумала Алиса. Но на земле у её ног всё ещё лежало огромное блюдо, на котором она пыталась разрезать пирог.

«Значит, всё это мне не приснилось! – сказала про себя Алиса. – А впрочем, может, все мы снимся кому-нибудь ещё? Нет, пусть уж лучше это будет *мой* сон, а не сон Красного Короля!»

Подумав, она жалобно продолжала: «Не хочу я жить в чужом сне! Вот пойду и разбужу его! Посмотрим, что тогда будет!»

В эту минуту мысли её были прерваны громким криком:

– Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Она подняла глаза и увидела, что на неё во весь опор несётся Красный Конь, на котором, размахивая огромной дубинкой, сидит закованный в красные латы Рыцарь. Доскакав до Алисы, Конь остановился.

– Ты моя пленница! – крикнул Рыцарь и свалился с коня.

Алиса попятилась; правда, она испугалась больше за него, чем за себя, и с волнением следила, как Рыцарь снова вскарабкался в седло. Усевшись поудобнее, он снова начал:

– Ты моя плен...

Но тут его прервал чей-то голос:

– Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Алиса удивлённо оглянулась.

Это был Белый Рыцарь, сидящий на Белом Коне. Он подскакал к Алисе и тоже свалился на землю, а потом снова вскарабкался в седло.

Рыцари сидели на своих Конях и молча смотрели друг на друга. Алиса с недоумением переводила взгляд с одного на другого.

– Это *я* взял её в плен! – сказал наконец Красный Рыцарь.

– Да, но потом явился *я* и спас её! – ответил Белый Рыцарь.

– Что ж, в таком случае придётся нам решить спор в честном поединке, – предложил Красный Рыцарь, снимая с луки шлем в форме конской головы и надевая его на голову.

– Биться будем по всем правилам, конечно? – спросил Белый Рыцарь и тоже надел шлем.

– Я всегда бьюсь только так, – ответил Красный Рыцарь.

И они скрестили дубинки с такой силой, что Алиса в страхе спряталась за дерево.

«Интересно, – подумала она, робко выглядывая из своего убежища, – какие у них правила? Первое, по-моему, такое: если один Рыцарь ударит другого дубинкой, он сшибает его с лошади, а если промахнётся – падает сам... А второе правило, должно быть, такое: дубинки надо держать обеими руками, как держат их Панч и Джуди, когда дерутся. Как эти Рыцари гремят, когда падают на землю! Можно подумать, что дюжину каминных щипцов швыряют о каминную решётку. А Кони какие спокойные! Рыцари падают, залезают на них снова, а они и ухом не ведут!»

Было ещё одно правило, которого Алиса, видно, не заметила: когда Рыцари летели с коней, падали они всегда на голову. Этим и кончилась битва: оба Рыцаря ударились о землю головами и полежали немного рядышком. Потом они поднялись и пожали друг другу руки; Красный Рыцарь уселся в седло и ускакал.

– Блестящая победа, правда? – спросил, подъезжая к Алисе, Белый Рыцарь и перевёл дыхание.

– Не знаю, – отвечала с сомнением Алиса. – Мне что-то не хочется, чтобы меня брали в плен. Я хочу быть Королевой.

– Ты ею и будешь, когда перейдёшь через следующий ручеёк, – сказал Белый Рыцарь. – Я провожу тебя до опушки, а потом вернусь обратно – такой у меня ход!

– Большое спасибо, – сказала Алиса. – Помочь вам снять шлем?

Самому Рыцарю это, видно, было не под силу. С большим трудом Алиса освободила его наконец из шлема.

– Вот теперь можно вздохнуть свободнее, – сказал Рыцарь, пригладил обеими руками взлохмаченные волосы и повернулся к Алисе.

У него было доброе лицо и большие кроткие глаза. Алиса подумала, что в жизни не видала такого странного воина.

На нём были жестяные латы – огромные, словно с чужого плеча, а на спине болтался вверх дном и с откинутой крышкой необычной формы деревянный ящик для писем. Алиса разглядывала его с большим любопытством.

– Я вижу, тебе нравится мой ящик, – приветливо заметил Рыцарь. – Это моё собственное изобретение! У меня в нём одежда и бутерброды. Надеваю я его, как видишь, вверх дном, и дождь в него не попадает.

– Зато всё остальное из него *выпадает*! – мягко сказала Алиса. – Вы знаете, что крышка у него открыта?

– Нет, – ответил Рыцарь, и тень досады скользнула по его лицу. – Значит, все мои вещи выпали! Тогда зачем он мне?

С этими словами он отстегнул ящик и размахнулся, чтобы бросить его в кусты, но тут, видно, в голову ему пришла какая-то мысль, и он осторожно повесил его на дерево.

– Догадываешься зачем? – спросил он Алису.

Алиса покачала головой.

– А вдруг пчёлы совьют там гнездо – тогда у меня будет мёд!

– Но у вас на седле висит улей... или что-то вроде улья, – сказала Алиса.

– Да, это очень хороший улей, – недовольно согласился Рыцарь. – Самого лучшего качества! Но пчёлам он почему-то не нравится! У меня здесь есть ещё и мышеловка. Видно, мыши отгоняют пчёл. Или пчёлы – мышей. Не знаю...

– А я как раз думала: зачем вам мышеловка, – сказала Алиса. – Трудно представить себе, что на конях живут мыши...

– Трудно, но *можно*, – ответил Рыцарь. – А я бы не хотел, чтобы они по мне бегали... Видишь ли, – продолжал он, помолчав, – нужно быть готовым *ко всему*! Вот почему у моего Коня на ногах браслеты.

– А это зачем? – заинтересовалась Алиса.

– Чтобы акулы не укусили, – ответил Белый Рыцарь. – Это моё собственное изобретение! Помоги-ка мне забраться на Коня. Я выведу тебя на опушку. А это блюдо для чего?

– Для пирога, – сказала Алиса.

– Тогда давай прихватим его с собой, – предложил Рыцарь. – Оно нам очень пригодится, если мы найдём пирог. Подержи-ка суму – я его туда засуну...

Это оказалось нелегко. Алиса крепко держала суму в руках, но Белый Рыцарь был *очень* неловок: вместо того чтобы положить в суму блюдо, он всё падал в неё сам. Наконец блюдо было втиснуто.

– Конечно, места там для него маловато, – заметил Рыцарь. – Сума битком набита подсвечниками, но что поделаешь!

И он подвесил суму к седлу, с которого свисали пучки моркови, каминные щипцы и ещё всякая всячина.

– Надеюсь, волосы у тебя сегодня хорошо приклеены? – спросил Рыцарь, когда они тронулись в путь.

– Не лучше, чем всегда, – с улыбкой отвечала Алиса.

– Этого мало, – встревожился Рыцарь. – Ветер тут в лесу *такой* сильный, что прямо рвёт волосы с корнем!

– А вы ещё не придумали средства от вырывания волос? – спросила Алиса.

– Нет, но зато я придумал средство от *выпадания*, – отвечал Рыцарь.

– Какое же? Мне бы очень хотелось узнать!

– Берёшь палочку и ставишь её на голову, чтобы волосы вились вокруг неё, как плющ. Волосы почему падают? Потому, что свисают *вниз*. Ну а *вверх* падать невозможно! Это моё собственное изобретение! Можешь его испробовать, если хочешь!

Средство это показалось Алисе не очень-то хорошим, и она молча шла рядом, время от времени останавливаясь, чтобы помочь бедному Рыцарю, который *не слишком-то* хорошо держался на Коне.

Стоило Коню остановиться (а он то и дело останавливался), как Рыцарь тут же летел вперёд, а когда Конь снова трогался с места (обычно он делал это рывком), Рыцарь тотчас падал назад. В остальном он совсем неплохо держался в седле – только временами валился ещё и на

бок. Падал он, как правило, прямо на Алису – поэтому она вскоре решила не держаться *слишком* близко к Коню.

В пятый раз помогая Рыцарю подняться с земли, она рискнула заметить:

– Вы, должно быть, не часто ездите верхом?

Белый Рыцарь очень удивился.

– Почему ты так думаешь? – спросил он дрожащим от обиды голосом и залез в седло, держась одной рукой за Алисины волосы, чтобы не свалиться с другого бока.

– Если много ездить верхом, то не будешь так часто падать.

– Я езжу много, – отвечал Рыцарь торжественно. – Очень много!

– Ах вот как! – сказала Алиса как могла сердечнее.

Больше она ничего не могла придумать. Они продолжали свой путь молча – Рыцарь ехал, крепко закрыв глаза, и лишь изредка что-то бормотал, а Алиса с тревогой ждала, когда он опять упадёт.

– Великое искусство верховой езды, – сказал вдруг громко Рыцарь и взмахнул правой рукой, – заключается в том, чтобы держать...

Он замолчал так же внезапно, как и начал, потому что свалился головой вперёд – прямо на дорожку, по которой шла Алиса. На этот раз она перепугалась и, помогая ему подняться, взволнованно спросила:

– Вы ничего себе не сломали?

– Ничего существенного, – отвечал Рыцарь, словно одно-два ребра не шли в счёт. – Как я и говорил, великое искусство верховой езды заключается в том, чтобы... правильно держать равновесие. Вот так...

Он отпустил узду и распростёр руки в стороны, чтобы показать Алисе, что он имеет в виду, – на этот раз он упал навзничь, прямо под копыта своего Коня.

И пока Алиса ставила его на ноги, он не переставая бормотал:

– Я езжу много. Очень много!

Тут Алиса потеряла терпение.

– Нет, это просто смешно! – воскликнула она. – Вам бы ездить на деревянной лошадке! Знаете, такая... на колёсиках!

– А что, у таких ход легче? – заинтересовался Рыцарь и обнял своего Коня обеими руками за шею. И хорошо сделал, а то свалился бы опять на землю.

– О, гораздо легче, – фыркнула Алиса.

– Достану себе такую лошадку, – задумчиво сказал Рыцарь. – Одну или две... Или несколько...

Наступило молчание. Немного спустя Рыцарь произнёс:

– Я сделал много замечательных открытий. Ты, конечно, заметила, когда меня поднимала, что я о чём-то думал?

– Да, вид у вас был *задумчивый*, – согласилась Алиса.

– В этот миг я как раз изобретал новый способ перелезания через калитку. Хочешь послушать?

– Пожалуйста, – сказала Алиса вежливо.

– Вот как я до этого додумался, – продолжал Рыцарь. – Понимаешь, я рассуждал так: единственная трудность в ногах – как поднять их наверх. *Голова* и так наверху! Значит, так: сначала кладём голову на калитку – голова, значит, уже наверху. Потом становимся на голову – тогда и ноги тоже наверху, правда? И перемахиваем на ту сторону!

– Конечно, если удастся это сделать, через калитку перелезешь, – сказала с сомнением Алиса. – Но вам не кажется, что всё это не так-то просто?

– Я ещё не пробовал, – отвечал серьёзно Рыцарь, – и ничего не могу сказать наверняка... Но ты, пожалуй, права, это *не очень* просто...

Эта мысль его так огорчила, что Алиса поспешно переменила тему.

– Какой у вас шлем забавный! – весело заметила она. – Это тоже ваше изобретение?

Рыцарь с гордостью поглядел на шлем, свисавший с седельной луки.

– Да, – ответил он. – Но я изобрёл и другой, гораздо лучше этого. С виду он похож на огромную сахарную голову. Когда я падал с лошади, он упирался тут же концом в землю, так что падать мне было *совсем* недалеко. Одно нехорошо, конечно, было – я мог упасть и *в* него. Однажды так и случилось; хуже всего, что только я застрял в шлеме, как вдруг подъезжает второй Белый Рыцарь и надевает его на себя. Он думал, это его шлем...

Белый Рыцарь рассказывал всё это так серьёзно, что Алиса не посмела улыбнуться.

– Должно быть, шлем оказался ему до боли тесен, – проговорила она, едва сдерживая смех. – Ведь в нём сидели вы!

– Пришлось мне лягнуть его ногой, – отвечал Рыцарь без тени улыбки. – Тогда он наконец догадался снять шлем. Нелегко ему было вытащить меня оттуда, а ведь хватка у него крепкая, как... как... как... ром!

– Ну, это совсем другая крепость! – заметила Алиса.

– Уверяю тебя, тут были всякие крепости – и та, и эта!

В волнении Рыцарь воздел руки к небу – и тотчас вылетел из седла и шлёпнулся головой в канаву. Алиса бросилась к нему. Падение было неожиданным – на этот раз ему удалось довольно долго продержаться в седле, и Алиса боялась, *не ушибся ли* он. Из канавы торчали одни лишь ноги, но, услышав, что он продолжает как ни в чём не бывало говорить, она успокоилась.

– Самые разные крепости, уверяю тебя! И всё же с его стороны это было неосторожно – взять и надеть чужой шлем, да ещё вместе с хозяином!

– Как это вы можете *говорить* вниз головой, да ещё так спокойно? – спросила Алиса, вытаскивая его за ноги из канавы.

Рыцарь, казалось, очень удивился её вопросу.

– Не важно, где находится моё тело, – сказал он. – Мой ум работает не переставая. Чем ниже моя голова, тем глубже мои мысли! Да-да! Чем ниже – тем глубже!

Помолчав, он прибавил:

– Самым остроумным моим изобретением был новый пудинг! Я изобрёл его, пока ел второе!

– И его успели приготовить на третье? – спросила Алиса. – Вот это *быстрота*!

– *Нет*, – протянул задумчиво Рыцарь, – на третье не успели! Не успели на *третье*!

– Значит, его приготовили на завтра? Вряд ли вам захотелось два пудинга в день?

– Нет, не *на завтра*! – повторил Рыцарь всё так же задумчиво. – На завтра *не успели*!

Он повесил голову и мрачно произнёс:

– Боюсь, что его вообще не *приготовили*! Боюсь, что его вообще *никогда* не приготовят! А какое это было остроумное изобретение!

– А из чего он делается? – спросила Алиса, желая хоть как-то его приободрить. Она увидела, что бедный Рыцарь совсем пал духом.

– В основном из промокашки, – отвечал Рыцарь со стоном.

– Боюсь, что это не очень-то вкусно...

– *Одна* промокашка, конечно, не очень вкусна, – прервал её с волнением Рыцарь. – Но если смешать её ещё кое с чем – с порохом, например, или с сургучом, – тогда совсем другое дело! Но здесь я должен тебя оставить...

Они вышли на опушку леса. Алиса вздрогнула от неожиданности – в эту минуту она думала только о пудинге.

– Ты загрустила? – огорчился Рыцарь. – Давай я спою тебе в утешение песню.

– А она очень длинная? – спросила Алиса.

В этот день она слышала столько стихов!

– Она длинная, – ответил Рыцарь, – но очень, *очень* красивая! Когда я её пою, все *рыдают*... или...

– Или что? – спросила Алиса, не понимая, почему Рыцарь вдруг остановился.

– Или... не рыдают. Заглавие этой песни называется *«Пуговки для сюртуков»*.

– Вы хотите сказать – песня так называется? – спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней.

– Нет, ты не понимаешь, – ответил нетерпеливо Рыцарь. – Это *заглавие* так называется. А *песня* называется *«Древний старичок»*.

– Мне надо было спросить: это *у песни* такое *заглавие*? – поправилась Алиса.

– Да нет! *Заглавие* совсем другое. *«С горем пополам!»* Но это она только так *называется*!

– А песня эта *какая*? – спросила Алиса в полной растерянности.

– Я как раз собирался тебе об этом сказать. *«Сидящий на стене»*! Вот какая это песня! Музыка собственного изобретения!

С этими словами он остановил Коня, отпустил поводья и, медленно отбивая такт рукой, запел с выражением блаженства на своём добром и глупом лице.

Из всех чудес, которые видела Алиса в своих странствиях по Зазеркалью, яснее всего она запомнила это. Многие годы спустя сцена эта так и стояла перед ней, словно всё это случилось только вчера: кроткие голубые глаза и мягкая улыбка Рыцаря, заходящее солнце, запутавшееся у него в волосах, ослепительный блеск доспехов, Конь, мирно щиплющий траву у её ног, свесившиеся на шею Коня поводья и чёрная тень

леса позади – она запомнила всё, всё до мельчайших подробностей, как запоминают поразившую воображение картину. Она прислонилась к дереву, глядя из-под руки на эту странную пару и слушая, словно в полусне, грустный напев.

«А музыка вовсе *не его* изобретение, – подумала Алиса. – Я эту музыку знаю. Это песня *„Я всё вам отдал, всё, что мог…"*».

Она стояла и внимательно слушала Рыцаря, но рыдать не рыдала.

– Я рассказать тебе бы мог,
Как повстречался мне
Какой-то древний старичок,
Сидящий на стене.
Спросил я: «Старый, старый дед,
Чем ты живёшь? На что?»
Но проскочил его ответ
Как пыль сквозь решето.

«Ловлю я бабочек больших
На берегу реки,
Потом я делаю из них
Блины и пирожки
И продаю их морякам –
Три штуки на пятак.
И в общем, с горем пополам,
Справляюсь кое-как».

Но я обдумывал свой план,
Как щёки мазать мелом,
А у лица носить экран,
Чтоб не казаться белым.
И я в раздумье старца тряс,
Держа за воротник:
«Скажи, прошу в последний раз,
Как ты живёшь, старик?»

И этот милый старичок
Сказал с улыбкой мне:
«Ловлю я воду на крючок
И жгу её в огне
И добываю из воды
Сыр под названьем бри.
Но получаю за труды
Всего монетки три».

А я раздумывал – как впредь
Питаться манной кашей,
Чтоб ежемесячно полнеть
И становиться краше.
Я всё продумал наконец
И, дав ему пинка,
«Как поживаете, отец?» –
Спросил я старика.

«В пруду ловлю я окуньков
В глухой полночный час
И пуговки для сюртуков
Я мастерю из глаз.
Но платят мне не серебром,
Хоть мой товар хорош.
За девять штук, и то с трудом,
Дают мне медный грош.

Бывает, выловлю в пруду
Коробочку конфет,
А то – среди холмов найду
Колёса для карет.
Путей немало в мире есть,
Чтоб как-нибудь прожить,
И мне позвольте в вашу честь
Стаканчик пропустить».

И только он закончил речь,
Пришла идея мне:
Как мост от ржавчины сберечь,
Сварив его в вине.
«За всё, – сказал я, – старикан,
Тебя благодарю,
А главное – за тот стакан,
Что выпил в честь мою».

С тех пор, когда я тосковал,
Когда мне тяжко было,
Когда я пальцем попадал
Нечаянно в чернила,
Когда не с той ноги башмак
Пытался натянуть,

Когда отчаянье и мрак
Мне наполняли грудь,
Я плакал громко на весь дом
И вспоминался мне
Старик, с которым был знаком
Я некогда в краю родном,
Что был таким говоруном,
Таким умельцем и притом
Незаурядным знатоком –
Он говорил о том о сём,
И взор его пылал огнём,
А кудри мягким серебром
Сияли над плешивым лбом,
Старик, бормочущий с трудом,
Как будто бы с набитым ртом,
Храпящий громко, словно гром.
Сидящий на стене.

Пропев последние слова своей баллады, Рыцарь подобрал поводья и повернул Коня.

– Тебе осталось пройти лишь несколько шагов, – сказал он. – Спустишься под горку, перейдёшь ручеёк – и ты Королева! Но ты подождёшь и помашешь мне вслед? – прибавил он, увидев, что Алисе не терпится перепрыгнуть через последний ручеёк, отделяющий её от заветной цели. – Я тебя долго не задержу. Как увидишь, что я доехал до поворота, махни мне платком. А то я боюсь совсем упасть духом.

– Конечно, я подожду, – сказала Алиса. – Спасибо вам за то, что вы меня проводили... И за песню... Она мне очень понравилась.

– Надеюсь, – проговорил Рыцарь с сомнением. – Только ты почему-то не очень рыдала...

Они пожали друг другу руки, и Рыцарь медленно поехал назад по лесной дороге.

«Боюсь, что он очень скоро *упадёт*... духом. Так, кажется, он сказал, – подумала Алиса, глядя ему вслед. – Ну конечно! Опять упал... Но только не духом, а, как всегда, головой. Но на Коня он опять садится

довольно легко, а Конь стоит как вкопанный, оттого, видно, что на него столько всего понавешено!»

Так она размышляла, глядя, как Конь мерно трусит по дороге, а Рыцарь падает то в одну сторону, то в другую. После четвёртого или пятого падения он подъехал к повороту, она помахала ему платком и подождала, пока он не скрылся из вида.

«Надеюсь, это его приободрило», – подумала Алиса, сбегая с пригорка.

– Последний ручеёк – и я Королева! Звучит великолепно!

Ещё несколько шагов – и она очутилась на берегу ручья.

– Наконец-то восьмая линия! – воскликнула Алиса, прыгнула через ручеёк

♟ ♟ ♟ ♟ ♟ ♟ ♟

и бросилась ничком на мягкую, как мох, лужайку, на которой пестрели цветы. – Ах, как я рада, что я наконец здесь! Но что это у меня на голове? – воскликнула она и в страхе схватилась руками за что-то тяжёлое, охватившее обручем голову. – И *как* оно сюда попало без моего ведома? – спросила Алиса, сняла с головы загадочный предмет и положила к себе на колени, чтобы получше разглядеть.

Это была золотая корона.

Глава девятая

Королева Алиса

– Ах, как великолепно! – воскликнула Алиса. – Я никогда и не думала, что так скоро стану Королевой.

И, помолчав, строго добавила (она любила себя пробирать):

– Но вот что я вам скажу, Ваше Величество: не пристало вам валяться тут на траве! Королевам дóлжно вести себя с достоинством!

С этими словами она встала и прошлась по лужайке, поначалу весьма скованно, ибо ей было боязно, как бы корона не слетела у неё с головы, но потом смелее, успокаивая себя тем, что вокруг не было ни души.

– Если я и вправду Королева, – подумала Алиса вслух, – со временем я научусь с ней справляться!

Всё было так странно, что она ничуть не удивилась, увидав, что с одной стороны от неё сидит Красная Королева, а с другой – Белая. Ей очень хотелось спросить их, как они сюда попали, но она боялась, что это будет неучтиво. Подумав, она решила, что может, по крайней мере, спросить, кончилась ли шахматная партия.

– Скажите, пожалуйста... – начала она робко, взглянув на Красную Королеву.

Но Красная Королева не дала ей договорить.

– Никогда не заговаривай первой! – сказала она строго.

– Но если бы все соблюдали это правило, – возразила Алиса, всегда готовая немного поспорить, – и если бы никто не заговаривал первым и только бы *ждал*, пока с ним заговорят, а те бы тоже ждали, тогда бы никто вообще ничего не говорил, и значит...

– Нет, это просто смешно! – воскликнула Королева. – Неужели ты не понимаешь, дитя...

Тут она нахмурилась и почему-то замолчала, а подумав с минуту, решительно переменила тему:

– Как ты смела сказать: «Если я и вправду Королева...» Какое ты имеешь право так называть себя? Ты не Королева, пока не сдашь экзамена на Королеву! И чем скорее мы начнём – тем лучше!

– Я ведь только сказала: «если...» – жалобно проговорила бедная Алиса.

Королевы переглянулись, и Красная Королева произнесла, передёрнув плечами:

– Она *говорит*, что только сказала: «если»!

– Но ведь она сказала гораздо больше! – простонала, ломая руки, Белая Королева. – Ах, гораздо, гораздо больше!

– Конечно больше, – подхватила Красная Королева и повернулась к Алисе: – Всегда говори только правду! Думай, прежде чем что-нибудь сказать! И записывай всё, что сказала!

– Я совсем не думала... – начало было Алиса, но Красная Королева нетерпеливо прервала её:

– Вот это мне и не нравится! Ты *должна* была подумать! Как по-твоему, нужен кому-нибудь ребёнок, который не думает? Даже в шутке должна быть какая-то мысль, а ребёнок, согласись сама, вовсе не шутка! Ты нас в этом не разубедишь, как ни старайся, хоть обеими руками!

– Я никогда никого не разубеждаю *руками*! – возразила Алиса.

– Никто и не говорит, что ты разубеждаешь руками! – сказала Красная Королева. – Я и говорю: руками нас не разубедишь!

– Она в таком настроении, – прибавила Белая Королева, – когда обязательно нужно с кем-то *спорить*. Не важно о чём – только бы спорить!

9 − 8
3 1
+
4
6
10
5
2
9
4
17
=
9
8
7

– Злобный, отвратительный нрав! – заметила Красная Королева.

Наступила неловкая пауза.

Её прервала Красная Королева: повернувшись к Белой Королеве, она сказала:

– Приглашаю вас сегодня на обед к Алисе!

Белая Королева слабо улыбнулась и произнесла:

– А я приглашаю *вас*!

– Я, правда, про обед ничего не знаю, – заметила Алиса, – но если сегодня я даю *обед*, то гостей, по-моему, приглашать должна *я*.

– Мы долго ждали, пока ты догадаешься нас пригласить, – заметила Красная Королева. – Но ты, видно, уроков хороших манер не брала!

– Манерам на уроках не учат, – сказала Алиса. – На уроках учат арифметике и всякому такому...

– Сложению тебя обучили? – спросила Белая Королева. – Сколько будет один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один?

– Я не знаю, – ответила Алиса. – Я сбилась со счёта.

– Сложения не знает, – сказала Красная Королева. – А Вычитание знаешь? Отними из восьми девять.

– Этого я не знаю, но зато...

– Вычитания не знает, – сказала Белая Королева. – А Деление? Раздели буханку хлеба ножом – *что* будет?

– По-моему... – начала Алиса, но тут вмешалась Красная Королева.

– Бутерброды, конечно, – сказала она. – А вот ещё пример на Вычитание. Отними у собаки кость – что останется?

Алиса задумалась.

– Кость, конечно, не останется – ведь я её отняла. И собака тоже не останется – она побежит за мной, чтобы меня укусить... Ну и я, конечно, тоже не останусь!

– Значит, по-твоему, ничего не останется? – спросила Красная Королева.

– Должно быть, ничего.

– Опять неверно, – сказала Красная Королева. – Останется собачье терпение!

– Не понимаю...

– Это очень просто! – воскликнула Красная Королева. – Собака потеряет терпение, верно?

– Может быть, – отвечала неуверенно Алиса.

– Если она убежит, её терпение останется, верно? – торжествующе воскликнула Королева.

– А может, оно тоже убежит, только в другую сторону? – спросила без тени улыбки Алиса.

Про себя же она подумала: «Какой *вздор* мы несём!»

– Арифметику *совсем* не знает! – закричали обе Королевы в один голос.

– А *сами* вы знаете? – спросила Алиса, внезапно поворачиваясь к Белой Королеве.

Ей было обидно, что Королевы так к ней придирчивы.

Белая Королева охнула и закрыла глаза.

– Прибавить я ещё могу, – сказала она, – если мне дадут подумать. Но отнять – *ни под каким видом!*

– Азбуку ты, надеюсь, знаешь? – спросила Красная Королева.

– Конечно, знаю, – отвечала Алиса.

– И я тоже, – прошептала Белая Королева. – Будем повторять её вместе. Хорошо, милочка? Открою тебе тайну – я умею читать слова из одной буквы! *Великолепно*, правда? Но не отчаивайся! И ты со временем этому научишься!

Тут в разговор снова вмешалась Красная Королева.

– Перейдём к Домоводству, – сказала она. – Откуда берётся хлеб? Отвечай!

– Это я *знаю*, – радостно начала Алиса. – Он печётся...

– Печётся? – повторила Белая Королева. – О ком это он печётся?

– *Не о ком*, а *из чего*, – объяснила Алиса. – Берёшь зерно, *мелешь его*...

– Не зерно ты мелешь, а чепуху! – отрезала Белая Королева.

– Обмахните её, – сказала с тревогой Красная Королева. – А то у неё от умственного напряжения начнётся жар!

И они принялись обмахивать её ветками и не успокоились до тех пор, пока Алиса не попросила их перестать, так как волосы у неё совсем растрепались.

– Ну вот теперь она вне опасности, – сказала Красная Королева. – А Языки ты знаешь? Как по-французски «фу-ты ну-ты»?

– А что это значит? – спросила Алиса.

– Понятия не имею!

Алиса решила, что на этот раз ей удастся выйти из затруднения.

– Если вы мне скажете, что это значит, – заявила она, – я вам тут же переведу на французский!

Но Красная Королева гордо выпрямилась и произнесла:

– Королевы в сделки не вступают!

«Лучше бы они в споры не вступали», – подумала Алиса.

– Не будем ссориться! – забеспокоилась Белая Королева. – Скажи мне лучше, отчего бывает молния?

– От грома, – ответила без промедления Алиса. В чём в чём, но в этом она была совершенно уверена. Впрочем, она тут же поправилась: – Нет, нет, наоборот!

– Не поправляйся! – сказала Красная Королева. – Что сказано – то сказано. Пеняй теперь на себя!

– Кстати, – проговорила Белая Королева, опуская глаза и нервно ломая руки, – на прошлой неделе в пятницу была *такая* гроза! То есть я хотела сказать – в пятницы!

Алиса удивилась.

– *У нас*, – сказала она, – больше одной пятницы разом не бывает!

– Какое убожество! – фыркнула Красная Королева. – Ну а *у нас* бывает шесть, семь пятниц на неделе! А иногда зимой мы берём сразу десять ночей – чтоб потеплее было!

– Разве десять ночей теплее, чем одна? – рискнула спросить Алиса.

– В десять раз теплее, конечно!

– Но, вероятно, и в десять раз *холоднее*! – заметила Алиса.

– Совершенно верно! – вскричала Красная Королева. – В десять раз теплее *и* в десять раз холоднее! Точно так же, как я в десять раз тебя богаче и в десять раз умнее!

Алиса вздохнула и не стала спорить.

«Похоже на загадку без ответа!» – подумала она.

– Шалтай-Болтай тоже так думает, – проговорила тихо, словно про себя, Белая Королева. – Он как раз подошёл к нашей двери со штопором в руках...

– Что ему было нужно? – спросила Красная Королева.

– Он сказал, что *хочет* зайти, – продолжала Белая Королева, – потому что ему нужен гиппопотам. Но в то утро у нас ничего такого в доме, к сожалению, не оказалось.

– А в остальные дни? – удивилась Алиса.

– Только по четвергам, – отвечала Королева.

– Я знаю, зачем он приходил, – сказала Алиса. – Он хотел наказать рыбок, потому что...

Тут Белая Королева снова её прервала:

– *Такая* была гроза, такая гроза! Ты даже в мыслях такого представить себе не можешь!

(«Конечно, *не может*, – заметила Красная Королева. – Да у неё и мыслей-то нет!»)

– Часть крыши унесло, и в дом набился гром! Он раскатывался по всем комнатам, сшибая столы и стулья! Я так испугалась, что собственное имя забыла!

«В такую минуту я бы и не *пыталась* его вспомнить! – подумала Алиса. – К чему оно?»

Вслух, однако, она этого не сказала, чтобы не обидеть бедную Королеву.

– Ваше Величество должно извинить бедняжку, – сказала вдруг Красная Королева Алисе, взяв Белую Королеву за руку и нежно её поглаживая. – Она очень добрая, но всегда говорит глупости! Просто не может иначе!

Белая Королева робко взглянула на Алису; Алиса чувствовала, что *должна* её утешить, но, как она ни ломала себе голову, ничего не могла придумать.

– Она не получила никакого воспитания, – продолжала Красная Королева. – И всё же она добра на диво! Погладьте её по головке! Увидите, как она обрадуется.

Но Алиса не осмелилась последовать её совету.

– Немножко дружеского участия... и папильотки в волосы... и она станет совершенно неузнаваемой!

Белая Королева глубоко вздохнула и положила голову к Алисе на плечо.

– Я так хочу *спать*! – простонала она.

– Устала, бедняжка! – сказала Красная Королева. – Пригладьте ей волосы! Одолжите ей свой спальный чепчик! И спойте ей колыбельную!

– У меня с собой нет чепчика, – возразила Алиса и попыталась пригладить Белой Королеве волосы. – И я не знаю никакой колыбельной.

– Придётся мне самой её убаюкивать, – вздохнула Красная Королева и запела:

– На груди Алисы дамы засыпают,
Пир ещё не начали, нас не приглашают.
А как пир закончится – мы все пойдём на бал:
Алиса с королевами, и стар, и мал.

Запомнили слова? – спросила она и положила голову к Алисе на другое плечо. – А теперь убаюкайте *меня*! Я что-то тоже спать захотела.

Не прошло и минуты, как обе Королевы крепко спали, да ещё и храпели к тому же!

«*Что* же мне делать? – подумала Алиса, в замешательстве оглядываясь по сторонам. Головы Королев скатились, словно два тяжёлых шара, ей на колени. – Такого ещё *ни с кем* не бывало! Стеречь двух спящих Королев! История Англий не знает подобного случая! Ну конечно, не знает! Ведь в Англии никогда не было сразу двух Королев!»

– Ах, ну проснитесь же, наконец! – воскликнула она нетерпеливо.

Но в ответ раздалось лишь мерное похрапывание.

С каждой минутой оно становилось всё мелодичнее, всё отчётливее, и наконец стало ясно, что это песенка – можно даже было разобрать слова; Алиса так заслушалась, что совсем не заметила, как две тяжёлых головы исчезли с её колен.

Она стояла перед огромной дверью с аркой, над которой большими буквами было написано: «КОРОЛЕВА АЛИСА»; по обеим сторонам двери свисали ручки звонков – над одним стояло «Для гостей», а над другим «Для слуг».

«Дослушаю песенку до конца, – подумала Алиса, – а потом позвоню. Только *в какой* звонок мне звонить?»

Она задумалась.

«Я не гостья, но я и не служанка. Нужен *ещё один* звонок с надписью: “Для Королевы”».

В эту минуту дверь приотворилась, из-за неё высунулось какое-то существо с длинным клювом и прошипело:

– Приём отменяется до послезавтрашней недели!

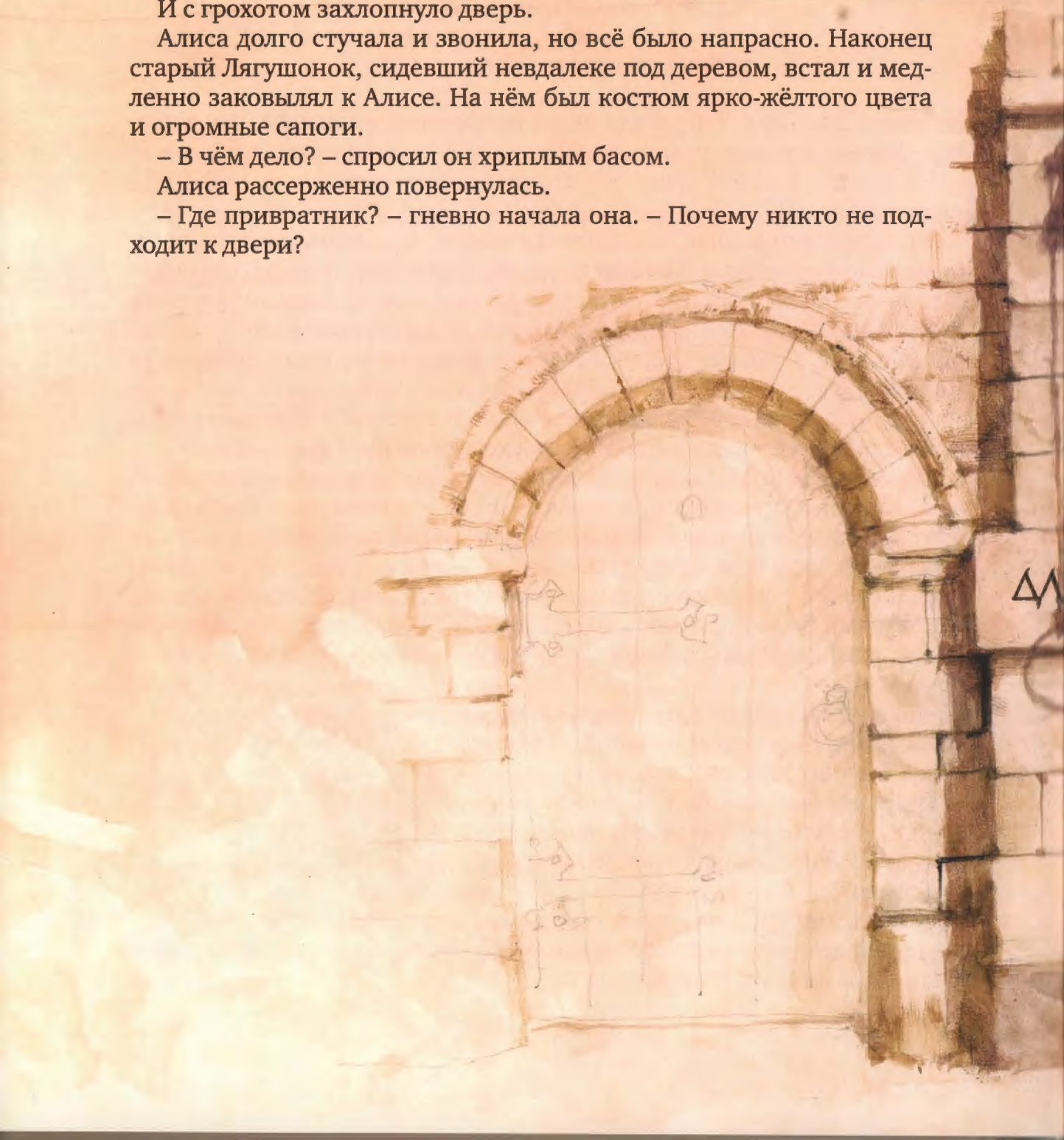
И с грохотом захлопнуло дверь.

Алиса долго стучала и звонила, но всё было напрасно. Наконец старый Лягушонок, сидевший невдалеке под деревом, встал и медленно заковылял к Алисе. На нём был костюм ярко-жёлтого цвета и огромные сапоги.

– В чём дело? – спросил он хриплым басом.

Алиса рассерженно повернулась.

– Где привратник? – гневно начала она. – Почему никто не подходит к двери?



КОРОЛЕВА АЛИСА
ЛУТ
ДЛЯ
ГОСТЕЙ

– К какой двери? – спросил Лягушонок.

Он говорил так спокойно и неторопливо, что Алиса чуть не затопала на него ногой.

– К *этой*, конечно!

Лягушонок уставился на дверь большими грустными тусклыми глазами, потом подошёл поближе и потёр её пальцем, словно проверял, не сходит ли краска, и снова уставился на Алису.

– Как это «никто не подходит к двери»? – переспросил он. – Ты же к ней подошла!

Он так хрипел, что Алиса с трудом разбирала слова.

– Не понимаю, что вы говорите, – сказала она.

– Чего ж тут не понять? – ответил Лягушонок. – Небось я по-английски говорю. Или, может, ты оглохла? Как по-твоему, где ты стоишь?

– Ах, оставьте, – отмахнулась Алиса. – Я в неё колочу, а всё без толку!

– Зря колотишь, – пробормотал Лягушонок. – Так ведь она и осерчать может!

С этими словами он подошёл к двери и изо всех сил пнул её своим огромным сапогом.

– Не тронь *её*, – проговорил он задыхаясь. – И она *тебя* не тронет!

И он вернулся, прихрамывая, на своё место.

В эту минуту дверь широко распахнулась, и пронзительный голос запел:

– Королева Алиса на праздник зовёт:
«Собирайся скорей, Зазеркальный народ!
На высоком престоле в блестящем венце
Королева Алиса вас ждёт во дворце!»

И сотни голосов подхватили припев:

– Так наполним бокалы и выпьем скорей!
Разбросаем по скатерти мух и ежей!
В кофе кошку кладите, а в чай – комара,
Трижды тридцать Алисе ура!

Голоса нестройно прокричали «ура!», и Алиса подумала: «Трижды тридцать – девяносто! Интересно, кто-нибудь там считает или нет?»

Потом снова наступило молчание, и тот же пронзительный голос запел второй куплет:

– И сказала Алиса: «Зазеркальный народ!
Счастлив тот, кто с тремя Королевами пьёт.
Это редкое счастье, великая честь –
За обеденный стол с Королевами сесть!»

И хор снова подхватил:

– Так нальём же в бокалы чернила и клей,
И осушим их залпом за наших гостей!
Вина с пеплом мешай, веселись до утра!
Девяностожды девять ура!

– Девяностожды девять! – повторила в отчаянии Алиса. – Этого мне никогда не сосчитать! Войду-ка я лучше в дом!

И она вошла. В зале тотчас воцарилась мёртвая тишина.

Алиса пошла вдоль столов, беспокойно поглядывая по сторонам. Тут собрались звери, птицы и даже цветы – гостей было много, не менее пятидесяти персон.

«Как хорошо, что они пришли сами, без приглашения, – подумала Алиса. – Я бы не знала, кого приглашать, а кого нет».

Во главе стола стояли три кресла; в одном сидела Белая Королева, в другом – Красная, а кресло между ними было свободно. Алиса уселась в него, смущённая всеобщим молчанием; ей так хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил.

Наконец Красная Королева сказала:

– Вы опоздали – мы уже съели суп и рыбу.

Она махнула рукой и крикнула:

– Несите мясо!

И слуги поставили перед Алисой блюдо с бараньим боком. Алиса посмотрела на него с тревогой – ей никогда раньше не приходилось резать мясо.

– Вы, я вижу, робеете, – сказала Красная Королева. – Разрешите мне представить вас этому боку. Знакомьтесь! Алиса, это Бараний Бок. Бок, это Алиса...

Бараний Бок поднялся с блюда и поклонился Алисе; та тоже ему поклонилась, так и не решив, смешно это или страшно.

– Я вам отрежу по кусочку? – спросила она Королев и взяла в руки нож и вилку.

– Как можно? – запротестовала Красная Королева. – Вас только что познакомили, а вы уже на него с ножом! Унесите Бок!

И слуги тотчас же его унесли, а взамен принесли сливовый пудинг.

– Я не хочу знакомиться с пудингом, – быстро сказала Алиса, – а то так мы вообще не пообедаем. Отрезать вам по кусочку?

Но Красная Королева посмотрела исподлобья и произнесла:

– Знакомьтесь! Пудинг, это Алиса. Алиса, это Пудинг. Унесите Пудинг!

И слуги тотчас же схватили Пудинг со стола, так что Алиса даже не успела ему поклониться.

«Впрочем, почему это одна Красная Королева здесь распоряжается?» – подумала она и, решив посмотреть, что получится, крикнула:

– Слуги! Принесите Пудинг!

И тут же, словно по мановению волшебной палочки фокусника, Пудинг снова оказался перед ней. Он был такой огромный, что Алиса опять *немножко* оробела. Но она взяла себя в руки, отрезала кусок и подала его Красной Королеве.

– Какая наглость! – сказал Пудинг. – Интересно, что бы ты сказала, если бы я отрезал от *тебя* кусок? Мерзкое ты создание!

Он произнёс эти слова густым и жирным голосом. Алиса в ответ не могла сказать ни слова: она только смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Скажи ему что-нибудь! – воскликнула Красная Королева. – Ведь это смешно: Пудинг говорит, а ты молчишь!

– Знаете, мне сегодня читали столько стихов, – начала Алиса робко, ибо она заметила, что стоило ей открыть рот, как в зале воцарилась тишина и все взоры обратились на неё. – И во всех стихах было что-нибудь про рыб... Как странно, правда? Интересно, почему здесь так любят рыб?

Она обращалась к Красной Королеве, и та ответила, хоть как-то и невпопад.

– Кстати, о рыбах... – медленно и торжественно произнесла она прямо в ухо Алисе. – Её Белейшее Величество знает премилую загадку, всю в стихах – и всю сплошь о рыбах! Пусть она её загадает, хорошо?

– Её Краснейшее Величество очень добры, – проговорила Белая Королева в другое ухо Алисы. – Я сделаю это *с восторгом*! Вы разрешите?

– Прошу вас, – сказала Алиса учтиво.

Белая Королева засмеялась от радости и погладила Алису по щеке. Потом она начала:

– Изловить эту рыбку нетрудно –
Ребёнку под силу.
И купить эту рыбку нетрудно –
Гроша бы хватило.

А в тарелку её положить –
Так и вовсе безделка,
Потому что она, как известно,
Родится в тарелке.

– Рыбку мне принеси!
– Принести её вам? Это можно.
– Крышку с рыбки сними!
– Ах, увольте, мне так это сложно, –

Будто клеем приклеена крышка... Теперь
Отгадайте загадку:
Легче рыбку наружу извлечь или нам
Обнаружить отгадку?

– Даю тебе минуту на размышление! – сказала Красная Королева. – А мы пока выпьем за твоё здоровье! Здоровье Королевы Алисы! – завопила она во весь голос.

И все гости тут же выпили, хоть и несколько странно: кто нахлобучил себе на головы бокалы, словно колпаки, и слизывал то, что текло

по щекам, кто опрокинул графины с вином и, припав к краю стола, пил всё, что лилось на пол. А три каких-то существа (очень похожие на кенгуру) забрались в блюдо с жарким и лакали соус.

«Словно свиньи в корыте!» – подумала Алиса.

– Ты должна произнести благодарственную речь, – сказала Красная Королева, взглянув исподлобья на Алису.

– Мы тебя поддержим, не беспокойся, – шепнула Белая Королева.

Алиса послушно встала, хоть сердце у неё и похолодело.

– Большое спасибо, – ответила она тоже шёпотом, – я и сама справлюсь.

– Это будет совсем не то! – решительно заявила Красная Королева.

Пришлось Алисе покориться.

(«Они так *навалились* на меня с двух сторон, – говорила она потом сестре, дойдя в своём рассказе до этого места, – словно хотели меня раздавить в лепёшку!»)

Ей и вправду пришлось нелегко: Королевы поддерживали её под локти и так давили с обеих сторон, что чуть не подбросили в воздух.

– Я поднялась, чтобы выразить вам свою благодарность... – начала Алиса.

И тут она действительно оторвалась от пола и *поднялась* на несколько дюймов в воздух, однако успела схватиться за край стола и снова опуститься на пол.

– Берегись! – завопила Белая Королева, вцепившись обеими руками Алисе в волосы. – Сейчас что-то будет!

И тут (как говорила потом Алиса) началось что-то несусветное. Свечи вдруг вытянулись до потолка, словно гигантские камыши с фейерверком наверху. Бутылки схватили по паре тарелок и вилок – хлопая тарелками, словно крыльями, и перебирая вилками-ногами, они разлетелись в разные стороны.

«Совсем как птицы», – успела подумать Алиса в начавшемся переполохе.

В эту минуту она услышала у себя за спиной хриплый хохот и, оглянувшись, чтобы посмотреть, что случилось с Белой Королевой, увидала, что вместо Королевы в кресле сидит Бараний Бок.

– А я здесь! – закричал кто-то из суповой миски.

Алиса снова обернулась. Доброе, круглое лицо Королевы улыбнулось ей из миски и исчезло в супе.

Нельзя было терять ни минуты. Кое-кто из гостей повалился уже в блюда с едой, а половник шёл по столу к Алисе и нетерпеливо махал ей рукой, чтобы она уступила ему кресло.

– Довольно! – закричала Алиса. – Я больше не могу!

Она вскочила, ухватила скатерть обеими руками и сдёрнула её со стола. Блюда, тарелки, гости, свечи – всё полетело на пол.

– Ну а *вас*... – закричала Алиса, в сердцах поворачиваясь к Красной Королеве, которая, как ей казалось, была всему виновницей.

Но Королевы рядом не было: она стала маленькой, как кукла, и крутилась по столу, ловя свою шаль, которая волочилась за ней словно хвост.

В другое время Алиса очень бы этому удивилась, но сейчас она была слишком рассержена, чтобы чему-то ещё удивляться.

– Ну а *вас*... – повторила Алиса и схватила Королеву как раз в тот миг, когда она прыгнула на севшую на стол бутылку, – вас я просто отшлёпаю, как котёнка!

Глава десятая

Превращение

С этими словами она схватила Красную Королеву и стала трясти её изо всех сил.

Красная Королева и не думала сопротивляться, только лицо её сморщилось и стало совсем маленьким, а глаза округлились и позеленели. Алиса всё трясла и трясла её, а Королева у неё в руках становилась всё меньше... и мягче... и толще... и пушистее... и

Глава одиннадцатая

Пробуждение

...и в самом деле оказалось, что это просто *котёнок*!

Глава двенадцатая

Так чей же это был сон?

– Ваше Краснейшее Величество зря так громко мурлычет, – сказала Алиса котёнку почтительно, но строго и протёрла глаза. – Ты меня разбудила, Китти, а мне снился такой чудесный сон! И ты там со мной была – в Зазеркальной стране. Помнишь?

У котят есть одна неприятная привычка (как заметила однажды Алиса): что им ни говори, они в ответ *всегда* мурлычат.

– Вот если бы они мурлыкали вместо «да», а мяукали вместо «нет», тогда с ними можно было бы иметь дело! Но разве *можно* разговаривать с человеком, когда тебе отвечают всегда одно и то же?

Котёнок опять замурлыкал, но что он хотел этим сказать – неизвестно.

А Алиса принялась перебирать шахматные фигурки, лежащие на столе. Наконец она нашла Красную Королеву, села на коврик у камина и поставила её перед котёнком, чтобы они посмотрели друг на друга.

– Признавайся, Китти! – закричала Алиса и с торжеством захлопала в ладоши. – Вот в кого ты превратилась!

(«Но Китти на Королеву и не взглянула, – рассказывала она потом сестре. – Отвернулась в сторону и притворилась, что даже её и не видит! Правда, вид у неё при этом был *несколько* виноватый. По-моему, всё же Красной Королевой была *она*!»)

– А ну-ка выпрямись! – воскликнула с весёлым смехом Алиса. – Пока думаешь, что... промурлыкать, делай реверанс! Это экономит время, помнишь? – Она схватила Китти на руки и легонько поцеловала. – В честь того, что ты была Красной Королевой!

Снежинка, милая! – сказала она, поглядывая на Снежинку, которая всё так же послушно подвергалась умыванию. – Когда это Дина вас наконец *отпустит*, Ваше Белейшее Величество? Теперь понятно, почему я видела вас такой растрёпанной в своём сне! Послушай, Дина! Тебе известно, что ты умываешь Белую Королеву? Ты должна обращаться с ней почтительно, а ты что делаешь?

Интересно, а *Дина* в кого превратилась? – продолжала Алиса, устраиваясь поудобнее на коврике и задумчиво глядя на котят. – Признайся, Дина, ты была Шалтаем-Болтаем? *По-моему*, да... Только подожди, не рассказывай об этом своим друзьям... Я всё ещё сомневаюсь.

Кстати, Китти, если ты и вправду была вместе со мной в моём сне, ты, верно, заметила одну вещь... очень *приятную* для тебя! Я столько слышала стихов, и всё про рыб! Завтра утром я устрою тебе настоящий пир! Ты будешь завтракать, а я буду читать тебе про Моржа и Плотника, чтоб ты вообразила, что ешь устриц, милая!

Послушай, Китти, давай-ка поразмыслим, чей же это был сон! Это вопрос серьёзный, милая, так что *перестань*, пожалуйста, лизать лапу! Тебя ведь умыли сегодня! Понимаешь, Китти, сон этот приснился *либо* мне, *либо* Красному Королю. Конечно, он мне снился – но ведь и я ему снилась! Так чей это был сон? *Неужели* Красного Короля, Китти? Кому же это знать, как не тебе? Ты ведь была его женой, милочка! Ах, Китти, помоги мне *решить*! Оставь на минуту свою лапу!

Но Китти, негодница, принялась за другую лапу, притворяясь, что не слышит Алису.

Как же *по-твоему*, чей это был сон?

Ах, какой был яркий день!
Лодка, солнце, блеск и тень,
И везде цвела сирень.

Сёстры слушают рассказ,
А река уносит нас,
Плеск волны, сиянье глаз.

Летний день, увы, далёк.
Эхо смолкло. Свет поблёк.
Зимний ветер так жесток.

Но из глубины времён
Светлый возникает сон
Лёгкий выплывает чёлн.
И опять я сердцем с ней –
Девочкой ушедших дней,
Давней радостью моей.

Если мир подлунный сам
Лишь во сне явился нам,
Люди, как не верить снам?

От художника

«Алиса в Зазеркалье» впервые была опубликована в 1871 году, через шесть лет после знаменитой «Алисы в Стране чудес». Теперь, спустя почти 150 лет, это иллюстрированное издание выходит в свет через шесть лет после того, как я нарисовал иллюстрации к «Алисе в Стране чудес».

В 2009 году мне казалось, что книги Льюиса Кэрролла – это сущий кошмар для художника-иллюстратора. Возможно, потому, что я следовал за автором слишком дословно, слишком глубоко погрузился в его воображаемый мир. Через шесть лет я наконец усвоил, что для создания современных иллюстраций к этой сказке не следует идти проторённой дорогой. Вместо того чтобы двигаться по следам Кэрролла, я постарался найти свой путь через его фантастический лес, путь, что идёт параллельно с ним, позволяя тем не менее свободно проникнуть в его мир.

В этот раз работа над «Алисой в Зазеркалье» доставила мне истинное удовольствие, и эти иллюстрации – моя своеобразная благодарность Кэрроллу за новый опыт.

Роберт Ингпен

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Льюис Кэрролл

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО И ЧТО ТАМ УВИДЕЛА АЛИСА, ИЛИ АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Сказочная повесть

Перевод с английского
Н. М. Демуровой

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*
Художественный редактор *О. В. Клявень*
Технический редактор *К. А. Путилова*
Корректор *Т. И. Филиппова*
Вёрстка *О. В. Краюшкина*

Подписано в печать 15.10.2021. Формат 84×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72.
Доп. тираж 4000 экз. D-ING-26834-02-R. Заказ № 7426.
Дата изготовления 15.11.2021.
Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Machaon
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) 0+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Знаменитая книга английского писателя Льюиса Кэрролла обрела в этом издании новую жизнь благодаря великолепным иллюстрациям австралийского художника Роберта Ингпена. Он получил всемирную известность как автор и иллюстратор более сотни различных книг. В 1986 году Р. Ингпен был удостоен Международной премии имени Х. К. Андерсена за вклад в детскую литературу. В последнее время Р. Ингпен проиллюстрировал такие произведения классической литературы, как «Остров Сокровищ», «Книга джунглей», «Алиса в Стране чудес», «Приключения Тома Сойера», «Питер Пэн и Венди», «Рождественская ёлка», «Вокруг света в восемьдесят дней», «Удивительный волшебник из Страны Оз», «Таинственный сад», «Ветер в ивах», «Приключения Пиноккио», «Щелкунчик», «Слонёнок и другие сказки» Киплинга, «Робинзон Крузо».
Издательство «Махаон» представляет вам эти замечательные книги.

ozon.ru
ii1418622768

Machaon
9 785389 182431 02
ЕАС